

HISTORIA РОССИИ

Борис Колоницкий

«Трагическая эротика» :

Образы
императорской
семьи в годы
Первой
мировой войны

Historia Rossica

Борис Колоницкий

**«Трагическая эротика»: Образы
императорской семьи в годы
Первой мировой войны**

«НЛО»

Колоницкий Б. И.

«Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. И. Колоницкий — «НЛО», — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-0345-5

Верноподданным российского императора следовало не только почитать своего государя, но и любить его. Император и члены его семьи должны были своими действиями пробуждать народную любовь. Этому служили тщательно продуманные ритуалы царских поездок и церемоний награждения, официальные речи и неформальные встречи, широко распространявшиеся портреты и патриотические стихи. В годы Первой мировой войны пробуждение народной любви стало важнейшим элементом монархически-патриотической мобилизации российского общества. Б. И. Колоницкий изучает, как пытались повысить свою популярность члены императорской семьи — Николай II, императрица Александра Федоровна, верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Автор исследует и восприятие образов Романовых. Среди многочисленных источников, на основе которых написана книга, — петиции, дневники и письма современников, материалы уголовных дел против людей, обвиненных в заочном оскорблении членов царской семьи.

ISBN 978-5-4448-0345-5

© Колоницкий Б. И.
© НЛО

Содержание

От автора	6
Введение	8
Глава I	13
Глава II	27
Глава III	33
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Борис Колоницкий

«Трагическая эротика» Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны

От автора

В 1994 году под влиянием лекций профессора Т. Блэннинга по истории Французской революции XVIII века я понял, что, подобно многим историкам Российской революции 1917 года, явно недооценивал роль слухов и значение символов.

Работы Г.Л. Соболева, Р. Стайтса и Х. Яна укрепили мое убеждение в том, что изучение массовой культуры необычайно важно для исследования политической истории.

Б.М. Витенберг обратил мое внимание на замечательный источник – дела по оскорблению членов императорской семьи. Изучение документов этого рода существенно изменило мое представление о политическом сознании эпохи Первой мировой войны.

В.И. Старцев, В.Ю. Черняев, Н.Н. Смирнов, Н.В. Михайлов, Б.Д. Гальперина, О.Г. Файджес, И. Халфин, М.Н. Лукьянов, М.М. Кром, П.Г. Рогозный, Т.А. Абросимова, В.В. Лапин, Л. Энгельштейн, У. Розенберг, С.И. Потолов, А.Н. Цамутали, Б.В. Ананьич, Б.Б. Дубенцов, Т.А. Павленко, М.Д. Долбилов, Н.Д. Потапова, Е.В. Анисимов читали различные мои тексты, посвященные политическим слухам и образам монархии. Их советы и критические замечания были для меня очень ценными.

В результате моей исследовательской работы появились учебные специальные курсы, которые я на протяжении ряда лет читал студентам и аспирантам в Санкт-Петербургском университете культуры и искусств, в Европейском университете в Санкт-Петербурге, в Саратовском государственном университете, в Иллинойском (Шампэйн-Урбана), Принстонском и Йельском университетах (США), в университетах Тарту (Эстония) и Хельсинки (Финляндия). Вопросы и замечания моих слушателей порой серьезно влияли на мою научную работу.

Н.А. Дунаева, Т.А. Павленко и А.Б. Рейеш любезно познакомили меня с документами, выявленными ими в архивах Краснодара, Кирова, Саратова и Ульяновска.

Различные фрагменты моего текста обсуждались на семинарах. Советы Ф.И. Якубсона, Д.Я. Травина, С.Г. Шелина, В.Я. Гельмана, М.Г. Мацкевич, А.М. Столярова были для меня крайне важны.

Всем этим людям я необычайно благодарен.

Особую признательность я должен выразить членам своей семьи, рассказы которых существенно корректировали те курсы истории, которые я прослушал в советское время в школе и в институте.

Рассказы моей бабушки М.Б. Зильберберг, ее двоюродного брата П.Я. Крупникова и моего дяди И.А. Смирнова я часто вспоминал, работая над этой книгой. С детства я знал об интригах «черногорок», великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны, интригах действительных и предполагаемых, отражавшихся в слухах, которые циркулировали среди средних классов российской столицы перед революцией. Мне рассказывали о латышских рабочих парнях, шантажировавших пожилых рижанок: по вечерам они «зарабатывали» полтинники тем, что угрожали донести полиции на старушек, говоривших на улице по-немецки. Я слышал о рассказах бывших военных чиновников, которые и в 1937 году с ужасом вспоминали страшные разносы великого князя Николая Николаевича зимой 1914/15

года. В семейных альбомах я видел фотографии сестер милосердия эпохи Первой мировой войны. Одна из них – сестра моей прабабушки, другая – неизвестная мне женщина, которая во время эпидемии спасла моего деда, но сама умерла от болезни.

Особенно часто я вспоминал рассказы моего деда, Никона Филипповича Житкова, который ушел на фронт Первой мировой войны добровольцем. Крестьянский парень, закончивший накануне войны курсы телеграфистов, руководствовался не только патриотизмом, но и известным практическим расчетом: добровольцы могли выбирать род войск. Служба в саперах, возможно, спасла ему жизнь: он был ранен, контужен, отравлен газами, но остался жив, у пехотинцев же шансов уцелеть было еще меньше. Та война повлияла на его последующую жизнь – вольноопределяющийся и унтер-офицер, награжденный медалью и орденом, он был послан в школу прапорщиков. Революцию мой дед встретил офицером. С армией он связал и свою дальнейшую жизнь.

Первая мировая война была глубоким травматическим переживанием для него, о ней он рассказывал часто. С пятилетнего возраста я помню рассказы о строительстве блиндажей и газовых атаках, о легендарных штыковых атаках сибирских стрелков и о «предательстве» Ренненкампа. Я слышал и рассказы деда о царском смотре под Двинском. На мои расспросы о том впечатлении, которое произвел на него император, дед отвечал, пожимая плечами: «Полковник как полковник». Я был очень разочарован, возможно, мне передалось давнее чувство рассказчика, ожидания которого в свое время не были оправданы.

Очень жаль, что я не могу уже задать моему деду те вопросы, которые появились у меня при написании настоящей книги.

* * *

Работа над книгой велась в рамках проекта «Общественное сознание эпохи российских революций» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

Введение

В области явлений коллективной психики и следует искать причины быстроты свержения Царской власти в мартовские дни 1917 года.

Генерал Н.Н. Головин

Слова «любовь» и тем более «эротика» в сочинении, посвященном политической истории, звучат странно. Во всяком случае, значительно более странно, чем слово «ненависть». Небесспорное утверждение К. Шмитта о том, что понятие «враг» является фундаментальной категорией политического сознания, воспринимается теперь порой как банальность. Действительно, невозможно представить себе политическую историю без врагов – физических и воображаемых, которые порой становятся гораздо более важными, чем враги «реальные». Изучение истории образов врага ныне воспринимается, наконец, как занятие, вполне достойное уважаемого представителя академической науки.

Большие сомнения могут вызвать попытки написания историй политической любви, любви счастливой и несчастной, любви взаимной и безответной.

Однако и без любви, влюбленности и ревности порой невозможно представить сферу политического. Многократно изучавшаяся, но все же загадочная любовь масс к вождям стала одной из разрушительных сил XX века. Русская революция 1917 года не являет в этом отношении исключением, показателем пропагандистский штамп, который использовался по отношению к А.Ф. Керенскому его сторонниками и поклонниками: «Любовь революции», «Первая любовь революции» (так, например, именовал после Февраля Керенского известный этнограф В.Г. Богораз-Тан)¹. Этот штамп использовал в названии своей книги и британский историк Р. Эбрахам, автор лучшей на сегодняшний день научной биографии «министра революции»: «Александр Керенский: Первая любовь революции»². Любовь первая, но не последняя, и не самая большая.

Слово «любовь», разумеется, используется часто как метафора, но оно необходимо для описания сложной сферы политического, насыщенной всевозможными эмоциями. Особое значение имеет любовь в языке монархии; если идеальный государь должен быть строгим и справедливым отцом для своих подданных, «отцом отечества», или «матерью отечества», то его «дети» – чаще всего речь идет о «сыновьях» – отвечают ему любовью, этот термин использовался издавна в царских указах и манифестах. Отношения между царем и его подданными описывались как отношения эмоциональные, а не правовые³. Но не следует полагать, что метафора большой семьи, спаянной любовью к отцу, описывает все эмоциональные проявления монархизма, диктуемые культурой подданства. Царя нередко любят не только как отца. Слова «возлюбленный», «объятия» и даже «экстаз» употребляются, как мы увидим, и в самоописании монархии, и в политических текстах образцовых русских монархистов.

Название данной книге дало высказывание религиозного философа С. Булгакова, который не раз возвращался в воспоминаниях к непростой истории своей личной любви к последнему русскому императору. Это чувство он описывал как «трагическую эротика».

¹ Тан. А.Ф. Керенский. Любовь русской революции // Герои дня: Биографические этюды. 1917. № 1. С. 1 – 2. Рукописный вариант очерка именовался «Первая любовь революции А.Ф. Керенский». См.: Николаев А.Б. IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе // Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (Научно-практический семинар 11 декабря 2007 года). СПб., 2008. С. 206.

² Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. London, 1987. 503 p.

³ Schierle I. «For the Benefit and Glory of the Fatherland»: The Concept of Otechestvo // Eighteen Century Russia: Society, Culture, Economy / Eds. R. Barlett, G. Lehmann-Carli. Berlin, 2007. P. 283 – 296.

Такое шокирующее определение невозможно понять, если не охарактеризовать политическую эволюцию философа.

Путь Булгакова к особому варианту своего собственного монархизма, если доверять его воспоминаниям, был весьма сложным. Во время учебы в духовной семинарии автор избрал для себя довольно распространенную уже роль «интеллигента», т.е. он решительно отверг религию и монархию (монархизм и религиозность были ранее слиты в его сознании):

Однако, именно на этих путях, общественного и государственного самоопределения, меня ждали наибольшие трудности и искушения, особенно в отношении к священной царской власти. Здесь я сразу и всецело стал на сторону революции с ее борьбой против «царизма» и «самодержавия». Это явилось совершенно естественным, что с утратой религиозной веры идея священной царской власти с особым почитанием помазанника Божия для меня испарилась, и хуже того, получила отвратительный, невыносимый привкус казенщины, лицемерия, раболепства⁴.

И в сознании многих других современников разного происхождения и разного уровня образования религиозные сомнения, и тем более атеизм, были связаны с отрицанием монархии. Затем, став студентом университета, Булгаков, по его собственному признанию, настолько утвердился в своем антимонархизме, что некоторое время он даже мечтал о царубийстве⁵. Немало русских юношей того времени хотя бы на миг примеряли на себя роль террориста, казнящего от имени народа «палача в короне»...

События 1905 – 1906 годов привели к тому, что Булгаков отверг путь революции, стал, по его собственному выражению, «почвенником», однако при этом он еще не стал монархистом, не полюбил царя и не поверил в монархию. Показательно, что он писал при этом о любви: «В мою “почвенность” идея монархии и монархической государственности отнюдь не входила. Вопрос о монархии есть, в сущности дела, вопрос любви или нелюбви (есть любовь и в политике), и я не любил Царя»⁶. Даже возвращение в церковь не изменило первоначального отношения Булгакова к империи и императору.

Однако в канун войны, по его собственному признанию, Булгаков стал «царистом». В данном случае его религиозная эволюция повлияла и на динамику политических взглядов. Булгаков, впрочем, также утверждал, что эмоциональный толчок для осознания его собственной любви к государю дала личная встреча с царем:

Не хочу здесь богословствовать о царской власти, скажу только, что это чувство, эта любовь родилась в душе моей внезапно, молниеносно, при встрече Государя в Ялте, кажется в 1909 году, когда я его увидел (единственный раз в жизни) на набережной. Я почувствовал, что и Царь несет свою власть, как крест Христов, и что повиновение Ему тоже может быть крестом Христовым и во имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти, и при свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории; там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божьей милостью, а не народным произволением. Религиозная идея демократии была обличена и низвергнута, во имя теократии в образе царской власти⁷.

Внезапный акт своего перерождения в «цариста», полюбившего императора, Булгаков описывает как эмоциональное потрясение и религиозное озарение. Оно, очевидно, было подготовлено предшествующими событиями, философскими и политическими исканиями мемуариста, однако важным непосредственным толчком стала его собственная встреча с самим монархом. Автор дает понять, что и сама личность императора, а не только осмыс-

⁴ Булгаков С. Мое безбожие // Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. Paris, 1991. С. 28.

⁵ Булгаков С. Агония // Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. С. 75.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Там же. С. 82.

ленная по-новому идея монархии была важна для его перерождения, завершившего процесс десекуляризации его политического сознания. Он полюбил не только абстрактного Царя, олицетворяющего политический принцип монархии, живой символ российской государственности, но и определенного человека, царствующего императора Николая II. Разумеется, «царизм» такого особого человека, как Булгаков, был индивидуальным, по-своему уникальным, но и официальный монархизм, и монархизм многих правых радикалов был и религиозно-политическим, и эмоционально окрашенным. От верных подданных русского царя ждали и требовали не только корректного уважения носителя верховной власти, но и искренней любви к своему государю.

Однако объект политической любви Булгакова все же не соответствовал, по его мнению, образу идеального государя: последний русский император, к его сожалению, действовал и выступал «не как царь», но как полицейский самодержец, «фиговый лист для бюрократии». Подобно многим другим искренним монархистам того времени, Булгаков обличал «бюрократию», которая мешала-де слиянию народа и государя, и мечтал о том, чтобы лично повлиять на императора с помощью собственных откровенных посланий, которые, впрочем, он так никогда и не отправил царю.

Война первоначально сняла это болезненное противоречие между искомым идеалом и несовершенной действительностью: чувство любви к царю у Булгакова теперь уже ничем не омрачалось. Однако затем он вновь ощутил трагичность своего положения, от всей души желая любить своего императора, он в то же время не мог любить его искренне.

Отношения к царю такого незаурядного человека, как Булгаков, были, разумеется, особенными, его история трагической любви к императору была индивидуальной. Невозможно доказать, что она была типичной. Но была ли она исключительной? Во всяком случае, о любви к царю писалось и говорилось накануне революции немало.

Язык монархии издавна был эмоционально насыщен, нормативные требования монархической риторики предполагают использование языка любви и счастья. Именно такой язык и употреблялся современниками Николая II. Если читать официальные отчеты того времени, то может возникнуть обманчивое впечатление, что все верноподданные российского императора всегда были «безмерно счастливы», когда они имели счастливую возможность лицезреть «возлюбленного монарха».

Официальная риторика российской монархии предполагала и формулы нормативной сакрализации: словосочетание «Священная особа Государя Императора» встречается в различных документах. Для части современников эти постоянно повторяющиеся обязательные бюрократические формулы были застывшими, архаичными, потерявшими всякий живой смысл. Однако для части верующих, каковым был и сам С. Булгаков до своего превращения в «интеллигента», они все еще имели особое значение. Сакрализация, вообще неизменно присутствующая в политике, в условиях монархии приобретает огромную нагрузку, особенно в тех случаях, когда глава государства являлся и главой церкви. Многомерный и противоречивый процесс секуляризации общественного сознания, разворачивающийся в Новое время, не мог не затронуть монархическое сознание. Однако язык политической любви продолжал использоваться и в официальных документах, и в частной корреспонденции.

Некий провинциальный священник писал в ноябре 1914 года в личном письме: «Вчера наш Орел имел высокое счастье видеть на своих стогах Государя Императора. Близость к нему порождает какое-то особое состояние, изобразить которое положительно невозможно. В нем соединяется и чувство удовлетворения, спокойствия и веры в себя, как частицы того великого, что сливается, объединяется в нашем Царе»⁸ (подчеркнуто в источнике).

⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1922.

Разумеется, вновь следует отметить, что устоявшиеся веками бюрократические формы монархической отчетности часто, хотя и не всегда, были лишь привычными штампами, использовавшимися издавна, они не давали представления о действительном эмоциональном состоянии людей, их употреблявших, даже и тогда, когда соответствующие слова проникали в личную переписку (хотя в данном случае автор письма прибегал к подобной риторике намеренно, осмысленно).

Однако постоянное употребление тех или иных слов, введение политических терминов в свой язык не проходит бесследно для людей, их использующих. Умение «говорить по-большевистски», которым в СССР овладели, добровольно или вынужденно, по разным причинам миллионы людей, имело огромные политические последствия⁹. Говорить же «помонархически» жители Российской империи обучались веками.

Случай С. Булгакова свидетельствует и о том, что встречи, очные и заочные, подданных со своим императором не всегда были бесстрастными, хотя оппозиция «любовь – ненависть» не передает разнообразие сильных политических эмоций, овладевавших массами.

Показательно, что дискуссии об особенностях любви верноподданных к своему императору возникали на деловых встречах весьма влиятельных и очень занятых людей. Исключения не составляли и заседания Совета министров Российской империи: главы правительственных ведомств увлеченно и аргументированно спорили о своей политической любви к царю.

На важном заседании правительства 21 августа 1915 года обер-прокурор Св. синода А.Д. Самарин заявил: «Я тоже люблю своего Царя, глубоко предан Монархии и доказал это всей своею деятельностью. Но если Царь идет во вред России, то я не могу за ним покорно следовать». Рассуждения Самарина о болезненном конфликте между чувством любви к монарху и патриотическим долгом были направлены против утверждений председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, который ставил знак равенства между монархизмом и патриотизмом, понятия «царь» и «Россия» были для него неразделимы. Самарин тем самым утверждал свое право любить царя по-своему, хотя и не отрицал за другими право любить его иначе. Горемыкин же, который сам характеризовал свои представления как «архаичные», не готов был рассуждать в духе монархического плюрализма, он отстаивал свое понимание любви к императору как единственно правильное: «Мое мнение сводится к тому, что воля Царя есть воля России, что Царь и Россия неразделимы, что этой воле мы обязаны подчиняться и что русскому человеку нельзя бросать своего Царя на перепутье, как бы лично ни было трудно»¹⁰.

И для Самарина, и для Горемыкина разговор о монархии, о любви к царю – разговор особый, не только политический, но и религиозный. Для них обсуждение типов любви к царю – это проблема не только политической теории и практики, но и политической теологии.

Если современники нередко использовали слово «любовь» в своих дискуссиях и придавали ему большое значение, то это оправдывает интерес историка к изучению данного аспекта политической риторики. Для понимания предреволюционной России это не менее важно, чем выявление в точности запасов муки в Петрограде зимой 1916/17 года или количества листовок, изданных подпольными организациями.

Большинство людей, любивших или ненавидевших, презиравших или жалевших царя и других членов императорской семьи, никогда лично их не встречали. Представление об

⁹ См.: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. 1995.* Русский перевод соответствующей главы: *Коткин С. Говорить по-большевистски* (из книги «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация») // Американская русистика. Самара, 2001. С. 250 – 329.

¹⁰ Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) / Сост. А.Н. Яхонтов // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 95 – 96.

этих «августейших особах» складывалось у них годами, под воздействием газетных сообщений и церковных проповедей, просмотра кинохроники, разглядывания настенных календарей и лубков, парадных портретов, висевших в присутственных местах и школьных классах, изображений царей на почтовых марках. И, не в последнюю очередь, это представление складывалось под влиянием разнообразных анекдотов и слухов. О членах императорской семьи судили по образам, распространявшимся этими различными каналами, а воспринимались, «переводились», редактировались эти образы в зависимости от современного контекста, а также под влиянием предшествующей «личной» истории отношений современников с образами данных персонажей.

Соответственно в данной книге предпринята попытка изучения тех образов членов императорской семьи, которые производили особенно сильное впечатление на современников, которые влияли на общественное сознание и на политическую борьбу в канун революции 1917 года.

Разумеется, так называемая «фактическая биография» Романовых порой не имела никакого отношения к истории жизни их многообразных и противоречащих друг другу образов, но порой именно последние оказывали большее воздействие на политический процесс, чем реальные действия соответствующего персонажа. Нередко именно эти образы определяли и политическую судьбу оригинала. В некоторых же случаях и прототипы образов желали, чтобы их портреты выглядели иначе – они хотели казаться моложе или красивее, проще или величественнее, воинственной или милосерднее. Для историка важны все эти образы – парадные портреты, автопортреты, романтические изображения, шуточные шаржи, злые карикатуры и даже порнографические картинки представляют не меньший интерес, чем фотографии или «реалистичные картины», при условии, если они действительно были востребованы современниками. Перед исследователем стоит сложная задача реконструкции замыслов создателей этих разнообразных образов, наполняющих портретную галерею последних Романовых. Но не менее важна и реакция зрителей и читателей, которые воспринимали и использовали образы по-своему, искажая тем самым изначальные замыслы заказчиков и цензоров, художников и писателей.

Глава I

ОБРАЗЫ МОНАРХИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛУХИ

Современные историки все больше внимания уделяют репрезентации власти. Расшировка риторических образов осознается ныне как задача не менее важная, чем поиск «достоверных фактов». Необходимость соответствующей декодировки представлений о власти ориентирует исследователей на выявление новых источников, придает новый смысл источникам, давно уже введенным в научный оборот. Необычайно сильное влияние на российских ученых имела книга профессора Колумбийского университета Ричарда Уортмана¹¹.

В силу различных причин ранние классические труды М. Блока и Э.Х. Канторовича не оказали подобного воздействия на исследователей, изучающих историю Российской империи рубежа XIX – XX веков¹². Даже известные работы Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского и В.М. Живова¹³, существенно повлиявшие на самого Р. Уортмана, остались недостаточно оцененными российскими историками Нового времени. Возможно, в этом проявилось влияние междисциплинарных барьеров, потребовался труд зарубежного историка, который убедительно показал, что подходы, выработанные российскими филологами и историками культуры, могут с успехом быть применены для изучения русской политической истории Нового времени. Впрочем, некоторые отечественные историки и по сей день считают исследование политической символики чем-то декоративным, каким-то украшением «настоящей» политической истории...

Используемый Р. Уортманом термин «сценарии власти» выражает суть его исследовательской позиции. Он позволяет связать воедино политику, идеологию самодержцев и символическую репрезентацию императорской власти во время различных царствований российских императоров и императриц.

Это замечательное исследование, предлагая ряд интересных наблюдений и важных выводов, ставит перед историками и немало новых сложных вопросов, требующих дальнейшего изучения. Среди них – вопросы о восприятии образов монархии, о распространении этих образов на уровне массового сознания, о «переводе» всевозможных значений образов власти в языках разных культур и субкультур. Иными словами, историков должны интересовать не только действия «сценаристов» – авторов и соавторов различных «сценариев власти», ведущих «режиссеров» и «исполнителей главных ролей»: театр власти невозможно также представить без импровизирующих честолюбцев – политических актеров второго плана, устремляющихся на авансцену. Этот театр нельзя описать без несущих отсебятину «суфлеров», а также без многочисленных заинтересованных «зрителей». Живая, а порой и возбужденная реакция последних могла существенно менять сюжет политической драмы, ломать утвержденный и отрепетированный сценарий власти.

¹¹ ¹ *Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, NJ, 1995; Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton, NJ, 2000* (перевод: *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра I до смерти Николая I; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004).

¹² *Bloch M. Les rois thaumaturges: étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Paris, 1924* (перевод: *Блок М.* Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998); *Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A Study of Medieval Political Theology. Princeton, 1957.*

¹³ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (До конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1977. Т. XXVIII (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 414). С. 3 – 36; *Живов В.М., Успенский Б.М.* Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избр. труды. М., 1996. Т. I. С. 205 – 337.

Книга Р. Уортмана стимулировала изучение образов царской власти. Так, например, следует выделить недавнюю монографию С.И. Григорьева, в которой на основе изучения архивных источников исследуется деятельность цензуры Министерства императорского двора. Цензура придворного ведомства пыталась выступать в роли своеобразного фильтра, оказывая влияние на образы императорской власти, рождавшиеся и тиражировавшиеся в ходе реализации различных коммерческих проектов¹⁴.

Не только обаяние интеллектуальной моды подталкивает ученых, изучающих историю России начала XX века, к исследованию репрезентаций монархической власти. Сама современная историографическая ситуация настоятельно требует обращения к этой теме. Изучение состояния власти в предреволюционное и революционное время невозможно без обращения к этим сюжетам.

Во-первых, периоды глубоких политических потрясений необычайно усиливают роль персонификации в политике. Не следует полагать, что персонификация политических и идеологических процессов является лишь неким «пережитком» так называемого «традиционного общества», неизбежно преодолеваемым в результате «прогресса». Собственно, любой политический процесс, любое политическое движение сложно представить без персонификации разного сорта и разного уровня: не только троцкизм и маоизм, но и перонизм и голлизм пережили своих «отцов-основателей», и после смерти вождей миллионы людей продолжали отождествлять себя с ними. Однако во времена острых общественных кризисов у многих людей возникает особенно сильная психологическая потребность отождествлять себя с авторитетным политическим лидером. Иногда, хотя и далеко не всегда, это сопровождается действительным возрастанием воздействия выдающихся политиков и государственных деятелей на развитие общественной ситуации, существенно усиливается значение т.н. «личного фактора» в истории. Но порой современники, а вслед за ними и историки слишком доверяют горделивым авторепрезентациям политических и государственных деятелей прошлого, придавая «вождям» и правителям чрезмерное значение.

Политический автопортрет лидера (парадный или романтический) нередко определяет традицию его последующего изображения. Отодвигая других участников событий на задний план, вожди ставятся в центр повествования, а безликие «массы» становятся лишь более или менее выгодным фоном для исторических описаний, выдержанных в жанре группового портрета с героем. Соответственно история чрезмерно биографизируется, гиперперсонифицируется, жизнеописание ведущих политиков организует исторический нарратив вокруг «исторических личностей», история общества порой сводится к биографии вождя. Так, например, Октябрь 1917 года историки самых разных взглядов и всевозможных научных школ описывают «через Ленина». Тем самым они следуют в конечном итоге той историографической схеме, которая восходит к большевистской пропаганде, ставшей, хотя и не сразу, лениноцентричной. Лидер партии большевиков рассматривается как основное действующее лицо исторического процесса, как всемогущий создатель нового государства, нового общества. Неудивительно, что «тоталитаристы», яростно критикуя коммунистическую интерпретацию революции, по существу воспроизводят в основных деталях большевицентричную и лениноцентричную структуру большого советского исторического нарратива: политическая оценка Ленина меняется, но он остается центральным персонажем повествования.

Соответственно изучение персонифицированных образов власти даст возможность лучше понять действительную роль государственных и политических деятелей. Изучение репрезентаций позволит деконструировать исторические мифы, нередко созданные изначально как раз всевозможными репрезентациями вождей и правителей. Рассмотрение раз-

¹⁴ Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти. СПб., 2007.

личных форм политических персонификаций ушедших эпох позволит определить допустимую степень персонификации в исторических исследованиях.

Во-вторых, в периоды острых социальных и политических потрясений можно проследить и своеобразную архаизацию общественного сознания, сопровождающуюся значительным возрастанием роли политических символов в процессах борьбы за власть на разных уровнях¹⁵. Сочетание же переплетающихся процессов усиления роли «персонификации» и возрастания значения «символизации» дает немало случаев, когда образ политического деятеля – положительный или отрицательный – превращается в важнейший политический знак, в ключевой элемент политического процесса. Частный случай такого соединения символизации и персонификации в новой и новейшей истории – культ вождя, нередко появляющийся в разных политических культурах Нового времени в эпохи революционных кризисов.

В-третьих, политику невозможно представить без сакрализации (показательно, например, что во времена Петра I цензурой изображений императора занимался именно Св. синод¹⁶). Однако сакрализация политики в Новое время не присутствует в такой явной форме, хотя политические системы и политические движения используют, как правило, тексты и символы, которые имеют для них сакральное значение. Их критика и, тем более, их отрицание воспринимается как недопустимая, кощунственная профанация священной сферы политического. Как уже отмечалось, противоречивый и многомерный процесс секуляризации, развернувшийся в Новое время, делает актуальным поиск новых форм сакрализации политического (тема секуляризации необычайно важна для современного обществознания, ее разработка неизбежно должна повлиять и на новейшую историографию Российской революции 1917 года).

Фигура монарха наиболее ярко представляет собой соединение персонификации, символизации и сакрализации: ведь сама личность монарха – «Священная Особа Государя» – и в Новое время нередко является сакральным символом, символом государственным, а порой и религиозным. Фигура монарха играет большую роль в восприятии политической действительности у людей самых различных взглядов. Соответственно исследование репрезентаций власти и их восприятия субъектами политических процессов необычайно важно как для изучения политического функционирования монархий, так и для описания антимонархических революций.

Революция 1917 года и попытка установления демократии в России сопровождались поисками новых политических образов, новых методов репрезентации власти, выработкой принципиально нового политического языка, а также нового ряда предписываемых эмоциональных реакций в сфере политического. Немалое значение имел и поиск новых форм персонификации, сакрализации и символизации политики. Следовало обозначить новую сферу сакрального в политической жизни, найти принципиально новый язык сакрализации политического. Особую задачу после Февраля 1917 года представлял поиск новых форм репрезентации нового «постмонархического» легитимного политического лидера, использующего язык демократии.

Казалось бы, исследователи Российской революции просто вынуждены были заняться изучением персонифицированных образов власти в общественном сознании переломной эпохи.

Между тем внимание историков революции 1917 года традиционно продолжают привлекать государственные институты и политические партии, общественные организации и политические лидеры (изучение классов и иных общественных групп, важное ранее для

¹⁵ Об этом я упоминал в своей книге: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.

¹⁶ *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти. СПб., 2007. С. 39.

историков самых различных школ, в настоящее время отходит на второй план). Правда, серьезные и плодотворные попытки изучения общественного сознания революционной эпохи были предприняты в российской историографии еще более тридцати лет назад, особо следует выделить важную и новаторскую для своего времени монографию Г.Л. Соболева, которая повлияла на многих отечественных историков моего поколения¹⁷. Однако в потоке исследований, посвященных истории революции, эта тема, к сожалению, остается периферийной, она не оказала значительного воздействия на создание обобщающих работ и учебных пособий.

Недостаточная изученность этих сюжетов историками Российской революции 1917 года становится особенно очевидной при сравнении с богатой историографией Французской революции XVIII века. Известные труды Ф. Фюре, Р. Дарнтон, К. Бэйкер, Д. Ван Клея, Л. Хант, Р. Шартье, Дж. Меррика, А. Фарж, Л.Дж. Грэхэм, А. Дюпра, посвященные изучению образов монархии в контексте предреволюционной и революционной политической культуры, ставят вопросы, весьма важные и для историков революции 1917 года¹⁸. Они пока не находят ответов.

Другая важная тема, хорошо разработанная применительно к Великой французской революции, но почти не изученная исследователями революции российской, – это слухи. Классическая работа Ж. Лефевра, опубликованная более 70 лет тому назад, известна всем современным историкам буквально со школьной скамьи – она упоминается во многих университетских учебных курсах¹⁹. Эта книга посвящена «Великому страху» 1789 года. Тогда в течение нескольких недель некоторые французские провинции были возбуждены слухами о коварном заговоре аристократов, о кочующих жестоких бандах, готовых терроризировать мирных обывателей. Распространявшиеся по стране образы вездесущих и неуловимых внутренних врагов, создавая истеричное настроение, способствовали политической мобилизации патриотов и радикализации революционного процесса. До Лефевра одни историки были уверены в существовании этого коварного антиреволюционного заговора, а другие, наоборот, рассматривали эту ситуацию как циничный заговор революционеров, которые сознательно и намеренно манипулировали общественным сознанием, спекулируя на страхах населения (выбор объяснения определялся политическими взглядами исследователей). И в том и в другом случае конспирологическая интерпретация политических событий ставилась в центр исторического повествования. Лефевр же перевел эту дискуссию в иную плоскость, он убедительно показал, что широко распространенный слух, основанный на массовых страхах, сам по себе становится фактором огромного общественного значения. Впоследствии работа Лефевра была продолжена другими учеными²⁰.

Игнорируя это важное исследовательское направление, некоторые российские историки и ныне противопоставляют народную молву «реальным событиям». Слухи и вымыслы

¹⁷ Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (Период двоевластия). Л., 1973.

¹⁸ Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1978 (русский перевод: 1998); Darnton R. Literary Underground of the Old Regime. Cambridge, Mass., 1982; Van Kley D. The Damians Affair and the Unraveling of the Old Regime, 1750 – 1770. Princeton, 1984; Hunt L. Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkley, 1984; Chartier R. Les origines culturelles de la Révolution française Paris, 1990 (русский перевод: 2001); Merrick J.W. The Desacralization of the French Monarchy in the Eighteenth Century. Baton Rouge, 1990; Baker K. Inventing the French Revolution. Cambridge, 1991; Farge A. Dire et mal dire: L'opinion publique au XVIIIe siècle. Paris, 1992 (английский перевод: 1994); Graham L.J. If the King Only Knew: Seditious Speech in the Reign of Louis XV. Charlottesville, 2000; Duprat A. Les rois de papier: La caricature de Henri III à Louis XVI. Paris, 2002.

¹⁹ Lefebvre G. La grande Peur de 1789. Paris, 1932.

²⁰ Jacob Louis. La Grande Peur en Artois // Annales historiques de la Révolution française. 1936. P. 123 – 148; Rudé G. Introduction // Lefebvre G. The Great Fear: Rural Panic in Revolutionary France. New York, 1973; Revel J. La Grande Peur // Dictionnaire critique de la Révolution française / Ed. F. Furet; M. Ozouf. Paris, 1988; Clay R. The Ideology of the Great Fear: The Soissonnais in 1789. Baltimore, 1992; Tackett T. La Grande Peur et le Complot Aristocratique sous la Révolution Française // Annales historiques de la Révolution française. 2004. № 335. P. 1 – 17.

порой отбрасываются исследователями как нечто малозначительное, они отделяются от важных «фактов», от того, что было «на самом деле», хотя порой саму Февральскую революцию 1917 года современники, а вслед за ними и некоторые историки «объясняли» самыми различными слухами, в том числе слухами о недостаточных запасах муки, которые породили ажиотажный потребительский спрос.

Исследователями описано немало ситуаций, когда именно слухи организовывали важные события, определяя действия современников. Например, жестоким немецким репрессиям в Бельгии и во Франции в начале Первой мировой войны предшествовали панические слухи о «бельгийских зверствах» по отношению к германским солдатам, распространявшиеся среди немецких военнослужащих со скоростью лесного пожара. Порой же на возникновение подобных слухов влияла историческая память: прочно укоренившиеся в сознании немецкого общества на протяжении предшествующих десятилетий образы «вольных стрелков» времен Франко-прусской войны получили в 1914 году новую жизнь, «объясняя» неожиданные препятствия и потери. Эти образы тиражировались, влияя на неоправданно жестокие действия германских солдат и офицеров по отношению к мирному населению Бельгии и Франции: немецкие военнослужащие повсюду «видели» вездесущих и беспощадных франтиреров, стреляющих им в спину. (Данной теме посвящено блестящее исследование Дж. Хорна и А. Кремера²¹.)

Уже непосредственно в годы Первой мировой войны бельгийский социолог Ф. Ван Лангенхове, сознательно ограничивший круг своих источников лишь документами немецкого происхождения, тщательно изучал подобные слухи, распространявшиеся среди германских солдат. Он показал, что их убежденность в существовании жестоких, вездесущих и неуловимых бельгийских «франтиреров», якобы повсеместно нападавших с тыла на противника, в действительности представляла собой ряд легенд. Его книга, опубликованная уже в 1916 году, получила широкую известность. Эта работа оказала известное влияние на М. Блока, который еще в 1921 году опубликовал статью «Размышления историка о ложных слухах военного времени», посвященную массовому сознанию солдат, находившихся на передовых позициях²². Автор, бывший армейский фронтовой офицер, показал, что вследствие цензурных ограничений военного времени огромные массы людей, прежде всего военнослужащие действующей армии, были отрезаны от достоверной печатной информации. По мнению М. Блока, фронтовики были возвращены в этом отношении к далекому «допечатному» прошлому, к такой информационной ситуации, когда письменное слово оставалось достоянием немногих. Атмосфера возросшей иррациональности, присущая эпохе мировой войны, вновь стала порождать повышенную неустойчивость человеческой психики и всякого рода напряженные коллективные психические состояния²³.

Марк Блок впоследствии вспоминал, вновь возвращаясь к этой теме: «Роль пропаганды и цензуры была значительна, но на свой лад. Она оказалась противоположной тому, чего ожидали создатели этих органов. Как превосходно сказал один юморист, “в окопах господствовало убеждение, что все может быть правдой, кроме того, что напечатано”. Газетам не верили, литературе также, ибо, помимо того что любые издания приходили на фронт очень нерегулярно, все были убеждены, что печать строго контролируется. Отсюда – парадоксальное возрождение устной традиции, древней матери легенд и мифов. Мощным толчком, о котором не посмел бы мечтать самый отважный экспериментатор, правительства как бы стерли предшествующее многовековое развитие и отбросили солдата-фронтовика к сред-

²¹ *Horne J., Kramer A. German Atrocities, 1914: A History of Denial. New Haven; London, 2001.*

²² *Revue de synthèse historique. 1921. Т. 33. P. 13 – 35.*

²³ *Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 72; Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 16 – 19.*

ствам информации и состоянию ума древних времен, до газеты, до бюллетеня, до книги»²⁴. Станным образом личный фронтовой опыт М. Блока оказал немалое воздействие на научные исследования знаменитого медиевиста, помогая ему лучше прочувствовать систему коммуникаций в изучаемую им далекую эпоху, время Средневековья, влияя на выбор тем для его собственных исследований.

Подобное восприятие прессы, однако, было присуще не только французским военнослужащим. Именно так относились к периодической печати и русские солдаты-фронтовики, писавшие своим близким: «Прошу вас, тетя, чтоб газетам вы не верили, так как правду не выпущают»; «... не верьте газетам – они пишут то, что им приказывают»²⁵.

О возрастании роли слухов в условиях цензурного ограничения печати открыто писала и российская пресса в годы Первой мировой войны. Петроградская газета «Новое время» открыто сообщала своим читателям: «Утеснение и несправность печати поставила сплетню вне конкуренции и сделала ее монополисткой общественного осведомления. Сплетне верят больше, чем газетам. Печатно говорить о многом множестве предметов нельзя, но устно врать, что хочешь и чего не хочешь, можно сколько угодно – и нет ничего удивительного в том, что все общество с несравненно большим интересом слушает грязную, неизменную, но все же свободную сплетню»²⁶.

Признанием этого стал постоянный заголовок в некоторых солидных русских газетах: «Последние телеграммы, сообщения и слухи с театра военных действий». Информационное значение слухов тем самым чуть ли не открыто приравнивалось издателями и редакторами к официальным сообщениям. Слухи рождались не только в окопах, но и в далеком тылу. Жизнь больших городов также по-своему архаизировалась, горожане разного положения и разного образования, желавшие получить последние сведения, жили молвой, питались слухами. Не представляли исключения и высшие слои, обладавшие, казалось, возможностью получить достоверные сведения из официальных источников: баронесса С.К. Буксгевден, дама, близкая к императрице Александре Федоровне, впоследствии вспоминала о времени войны: «Слухи заменяли информацию»²⁷.

К тому же газеты, опровергая одни слухи, распространяли другие. Так, та же газета «Новое время» вскоре после начала войны авторитетно сообщала своим читателям о расстреле К. Либкнехта в Германии, о массовом антиправительственном восстании славян в Австро-Венгрии и других событиях, в действительности не происходивших. В то же время газета уделяла немалое внимание опровержению всевозможных слухов, достаточно привести лишь названия некоторых статей: «Вздорные слухи»²⁸.

В условиях войны вновь и вновь появлялись и охотно передавались старинные российские слухи, постоянно воскресавшие в новых кризисных ситуациях. Так, неудивительно, что в деревнях опять начинали говорить о наделении крестьян землей, на этот раз долгожданная аграрная реформа связывалась с грядущим окончанием военных действий. «У нас упорно держится слух, что после войны крестьянам дадут землю», – писал князь А. Голицын из своего тульского имения 8 марта 1915 года²⁹.

Характерной чертой уличной жизни городов военного времени стали огромные очереди людей, долгими часами толпившиеся перед продовольственными лавками и магазинами. Обозленные, усталые, нервные люди, пытавшиеся приобрести необходимые товары,

²⁴ Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 60.

²⁵ Козаковцев С.В. Первая мировая война в письмах воинов-вятичей // Военно-исторический журнал. 2007. № 4. С. 52.

²⁶ Гофштетер И. В царстве сплетен и кошмаров // Новое время. 1917. 4 января.

²⁷ Вихоевден S. The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia: A Biography. London; New York; Toronto, 1928. P. 213.

²⁸ Новое время. 1914. 24, 29, 31 июля.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 2 об.

охотно передавали самые невероятные вести. Современники отмечали, что уличные «хвосты» становились настоящими «фабриками слухов». В октябре 1916 года петроградец С. Облеухов писал В.М. Пуришкевичу: «Меня в ужас приводит настроение улицы. Бессмысленное стояние в “хвостах” по несколько часов и озлобило, и распустило народ. Улица превратилась в клуб, где все недовольство и возмущение объединяет всех и вся. Нужна только малейшая искра, чтобы начались поголовные погромы»³⁰.

Распространение слухов в эпоху Великой войны все же нельзя рассматривать лишь как возвращение к старинным способам коммуникации, как «простую» архаизацию, в этом отношении важный вывод М. Блока следует существенно уточнить. Неслыханные ранее для европейского читателя и корреспондента цензурные ограничения появились в то время, когда уже существовали современные средства связи и массовой информации. Соответственно на распространение слухов в это время по-своему влияли массовая пресса и фотографии, телеграф и телефон. Информационные сообщения, благополучно прошедшие через сито цензуры, порой одновременно и одинаково «прочитывались» множеством читателей иногда совершенно непредсказуемо для самых суровых цензоров, поэтому новые средства связи и в условиях ограничения свободы печати позволяли слухам распространяться с невиданной в «допечатное время» скоростью. В самых широких слоях населения была уже сформирована устойчивая привычка к регулярному чтению прессы и постоянному получению новостей. Война же значительно обострила эту потребность в печатном слове, газеты пользовались огромным спросом. Даже сама российская императрица Александра Федоровна, обладавшая особыми источниками информации, сообщала царю в августе 1915 года: «Я по утрам с жадностью набрасываюсь на “Новое время”»³¹.

Ее современники, принадлежавшие к самым разным социальным и культурным группам, также стремились как можно скорее достать и прочитать свежую газету. В годы войны интерес к прессе возрос даже в тех слоях населения, которые ранее вовсе не интересовались последними новостями. Беспрецедентная пропагандистская обработка военного времени не могла полностью заменить этой информации. Сложилась парадоксальная ситуация: пресса пользовалась повсеместным ажиотажным спросом, но при этом ей не верили. Житель Казани писал в столицу уже в сентябре 1914 года: «Полное неверие к газетным сообщениям»³².

В этих условиях сами пропагандистские материалы и официальные сообщения, «обработанные», сокращенные и измененные военной цензурой, необычайно быстро распространявшиеся с помощью телеграфа и телефона, порой провоцировали появление новых волн невероятных слухов. Поэтому возникновение многих слухов эпохи Первой мировой войны невозможно представить как без усилившейся в это время цензуры, так и без современных каналов распространения информации. Особые же цензурные условия, существовавшие в России ранее, оказывались необычайно благоприятными для подобного распространения слухов в эпоху войны – у русского читателя издавна существовали навыки чтения «между строк», а авторы и редакторы хорошо владели приемами проталкивания зашифрованной информации через цензурное сито. Читательская аудитория, политическое воображение которой было весьма развито, по-своему «заполняла» белые пятна, зиявшие на месте статей, изъятых цензурой, она по-своему «прочитывала» официальные сводки, а авторы подцензурных материалов на это и рассчитывали.

³⁰ Там же. Д. 1057. Л. 754.

³¹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II and the Empress Alexandra (April 1914 – March 1917) / Ed. by Joseph T. Fuhrmann. Westport (Conn.); London, 1999. P. 193.

³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1422.

Левые политики порой даже заявляли, что появление слухов, вызванных цензурными ограничениями, является следствием некоего заговора реакции, свившей гнездо в правительственных ведомствах. Так, А.Ф. Керенский, выступая в Государственной думе 19 июля 1915 года, фактически обвинил русскую цензуру в антипатриотической деятельности, отметив, что в результате ее мероприятий в стране циркулируют «самые темные, самые извращенные и самые мрачные слухи»³³. Соответственно правая конспирология, защищая власти, напротив обвиняла в намеренном распространении невероятных вымыслов своих политических оппонентов слева.

И люди весьма консервативных взглядов указывали на роль официальной цензуры в провоцировании слухов, неблагоприятных для режима. Некий инспектор народных училищ А. Елишев писал министру внутренних дел Н.А. Маклакову: «Но революционизирует народ само правительство, допуская разнузданную печать и думскую пропаганду. Белые места в газетах – хуже прокламаций»³⁴. К такому же мнению приходили и высокопоставленные военные. Видный чин Ставки Верховного главнокомандующего писал в 1915 году: «Белые столбцы в газетах и пустые места в строчках, являющиеся результатом цензуры, ведут к всевозможным догадкам, зачастую разгадываемым путем сопоставления. Это вредит делу и производит на общество нежелательное впечатление»³⁵.

Со временем власти попытались с этим бороться, попросту запрещая печатать «белые места» (правительство прибегало при этом к помощи военной цензуры, обладавшей в условиях войны значительными полномочиями). Но подобная мера властей не могла, разумеется, предотвратить распространение новых слухов. Некий одессит писал в октябре 1916 года: «Прежде хоть по белым пятнам от цензуры можно было догадываться, что замалчивается, а теперь запретили газетам и белые пятна. “Все де обстоит благополучно”. Зато слухи один другого печальнее передаются шепотом на ухо»³⁶.

Если в русских газетах появлялись и исчезали «белые пятна», пробуждавшие любопытство читателей, то отечественные и зарубежные иллюстрированные издания, а также иностранные газеты и журналы, поступающие в Россию, покрывались черными штампами бдительных цензоров. В октябре 1916 года один москвич писал в частном письме: «Мне приходится видеть теперь английские газеты, 1/3 зачернена, что за военные тайны, которые можно писать у англичан и нельзя писать у нас. А между тем это скрывание ни к чему не ведет, а только ухудшает дело, так как всяким слухам и сплетням дается полный простор. А их много ходит по Москве»³⁷.

Даже некоторые профессиональные цензоры и сами члены правительства осознавали абсурдность подобной ситуации. Чиновник соответствующего ведомства сообщал об этом в сентябре 1914 года в частном письме, которое, в свою очередь, было перехвачено цензурой: «Я все еще в цензуре, переменял там ряд обязанностей; к сожалению, здесь никто не влиятелен в ее направлении и приходится участвовать в массе дикостей, вызывающих общественное недовольство. Курьезно, что мой взгляд разделяют и власть имущие, например Кривошеин, уговаривавший меня быть более снисходительным»³⁸.

Показательно, что в сложившихся условиях даже сама императрица Александра Федоровна вследствие отсутствия необходимой информации в газетах порой была вынуждена питаться слухами. 19 ноября 1914 года царица писала Николаю II: «Не знаю никаких ново-

³³ Государственная Дума. 4-й созыв: Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия 4-я. Пг., 1915. Стб. 114.

³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1063. Л. 1400; Д. 1064. Л. 1409.

³⁵ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке, 1914 – 1915. Минск, 2003. Т. 1. С. 278.

³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 756.

³⁷ Там же. Л. 758.

³⁸ Там же. Д. 995. Л. 1463.

стей – в городе говорят, что вчера было скверно, – в газете много белых, незаполненных мест; мы, вероятно, отступили около Сухачева». И в дальнейшем царица Александра Федоровна страдала от недостатка официальных новостей и по-своему расшифровывала значение «белых пятен» в периодических изданиях. Она уверяла императора, что не верит «городским сплетням, которые расстраивают нервы», она утверждала, что полагается только на официальные сообщения Ставки, но, судя по тону письма, в глубине души царица осознавала, что всей правды они не содержат. Порой, извиняясь, она в своих посланиях передавала императору разные слухи и в то же время посылала ему вырезки из газет, осведомляясь о правдивости содержащихся в них сообщений³⁹. Не только обыватели, но и представители политических верхов были отрезаны от надежных источников информации, не верили газетам и официальным сообщениям и сами участвовали, прямо или косвенно, в распространении слухов.

Слухи порождали и новые слухи. В июле 1914 года некоторые жители российской столицы запасались железнодорожными билетами – в городе говорили о неизбежности немецкого десанта. Живший в Петербурге барон Н.Н. Врангель, общавшийся с людьми образованными и неплохо информированными, уже в августе 1914 года, в самом начале войны записал в своем дневнике: «В такие минуты люди должны питать свое воображение хоть какими-нибудь фактами, и, не имея сведений, они сами измышляют всякий вздор, который, переходя из уст в уста, достигает геркулесовых столбов глупости. За последние дни петербургская молва повесила нескольких командиров армий, расстреляла нескольких командиров дивизий, бригад и полков и умертвила всех командиров гвардии, плодя опасные в это время страхи». В русской провинции же в это время говорили о падении Варшавы, о немецких войсках, стоящих под Псковом, и даже... о захвате Петербурга врагом⁴⁰.

Столица империи и впоследствии воспринималась страной как гигантский комбинат по постоянному производству фантастических слухов. Князь Г. Трубецкой 5 октября 1916 года писал из Москвы бывшему министру иностранных дел С.Д. Сазонову, находившемуся в Кисловодске: «Петроград, как всегда, полон слухов, которые рождаются утром и умирают вечером, но, в сущности, никто ничего решительно не знает. Одно несомненно – это общее недовольство, которое настолько велико, что стирает границы партий и дошло до острого напряжения»⁴¹. Показательно, что информированный дипломат писал бывшему главе внешнеполитического ведомства о слухах и недовольстве, преодолевающих межпартийные границы. Действительно, в обстановке политического кризиса слухи становились важным фактором политической жизни, объединяли различные общественные группы в их недовольстве властью.

Русский военный цензор в Финляндии отмечал тогда же, в 1916 году: «Октябрь текущего года может быть назван месяцем слухов. Никогда еще за два года войны эти “слухи” не были распространяемы в печати и обществе в таких огромных размерах и разнообразных вариациях, как в последнее время. Девяносто процентов общественных разговоров начинаются фразами “Вы слышали?”, “Вы знаете?!” ...Далее следует передача какой-либо фантазии на тему из так называемых злоб дня в новой редакции и с новыми прибавлениями»⁴².

Среди фантастических слухов этой эпохи можно, например, упомянуть слух о прибытии союзных войск Японии на Восточный фронт⁴³. Командир лейб-гвардии Гренадерского

³⁹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 43, 52, 55, 188.

⁴⁰ Новое время. 1914. 30 июля, 5 августа; Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневник 1914 – 1915 годов. СПб., 2001. С. 43.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 702.

⁴² Kansallisarkisto (Helsinki). Русские военные бумаги. № 17230: Особая финляндская военно-цензурная комиссия. Гельсингфорский военно-цензурный пункт. Рапорты и отчеты.

⁴³ Ранее аналогичные слухи распространялись в Великобритании: многие жители этой страны были убеждены, что десятки тысяч русских солдат, переброшенных на помощь союзникам из Архангельска, высаживались в портах Шотлан-

полка писал в июле 1915 года: «Армия, насколько мы можем судить, ожидает какого-то события, которое должно повернуть войну в нашу пользу. Один слух, якобы самый достоверный, сменяется другим. По последней версии, к нам перевозится японская армия, и тогда война решится одним ударом. Многие уже видели японцев в тылу. Массовая галлюцинация»⁴⁴. Действительно, подобные слухи получили известное распространение, даже некий пессимистично настроенный фронтовик отмечал в своем письме в июле 1915 года одну только радостную «новость»: «Немножко веселит прибытие японцев»⁴⁵.

На самом деле никакие войсковые части армии Страны восходящего солнца не направлялись в это время в союзную Россию. Можно предположить, что главной причиной появления этого распространенного слуха стали переговоры между правительствами двух стран о переброске японских войск в Россию, а также прибытие в русскую армию нескольких групп артиллеристов-инструкторов, сопровождавших тяжелые орудия, присланные из Японии. В своих письмах российские военнослужащие, однако, сообщали самые невероятные сведения о прибытии на фронт могущественных и воинственных азиатских союзников: «К нам пришли японские артиллеристы с орудиями, вес снарядов коих до 35 пудов»⁴⁶.

Гораздо большее значение для судеб страны имели «политические» слухи. Власти империи еще задолго до начала войны прекрасно осознавали важность и потенциальную опасность их распространения. Администрация и полиция постоянно внимательно следили за распространением «ложных» слухов и всячески стремились их пресекать. «Положение о чрезвычайной охране» и в мирное время предусматривало довольно суровое наказание за «распространение ложных слухов» – виновный мог быть арестован на срок до трех месяцев или оштрафован (до трех тысяч рублей)⁴⁷.

Циркуляр министра внутренних дел от 11 ноября 1911 года предписывал губернаторам «обязательно и своевременно» доставлять сведения о настроении различных групп населения, при этом, в частности, особо требовалось указывать «волновавшие крестьянские массы» «ложные и неосновательные слухи»⁴⁸. Показательно, однако, что слухи в этом циркуляре упоминались в том его разделе, в котором речь шла о «крестьянских массах». В перечне же интересующих МВД данных, характеризующих настроение жителей городов, рабочих и «интеллигентных слоев общества», слухи не упоминаются. Возможно, в это время и видные чиновники Министерства внутренних дел считали слухи чем-то архаичным и уходящим, присущим в основном лишь деревне, необразованным слоям населения, носителям традиционной культуры. Очевидно, предполагалось, что просвещение и урбанизация постепенно уничтожат всякую почву для распространения слухов.

Действительно, нередко переносчиками слухов в сельской среде и в начале XX века были нищие, странники, богомольцы, переходившие из села в село, отходники, возвращавшиеся из городов. Все это напоминало старинные методы коммуникации. Но в то же время крестьяне особенно ценили всевозможные известия, исходившие от сельских священников и деревенской интеллигенции: учителей и учительниц, фельдшеров, писарей

дии, чтобы затем направиться во Францию и в Бельгию. См.: Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю) / Ред. и вступ. ст. В.П. Семенникова. Л.; М., 1925. С. 94.

⁴⁴ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907 – 1916 г. М., 1924. С. 186.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 302.

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 763. Л. 106. Ходили слухи и о том, что русскими войсками, сражающимися под Либавой, командовал японский генерал (Там же. Л. 113). Слухи о прибытии японских войск вновь возникли в августе 1917 года: *Wright J. Butler.* Witness to Revolution: The Russian Revolutionary Diary and Letters of J. Butler Wright / Ed. W. Th. Allison. Westport (Conn.); London, 2002. P. 120.

⁴⁷ *Иванов Ю.* Вы слышали... (Слухи и страхи уездной России) // Родина. 2006. № 7. С. 62.

⁴⁸ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.): Сб. документов / Ред. А.М. Анфимов. М.; Л., 1965. С. 431.

сельских и волостных правлений; от людей бывалых и образованных, от знакомых, обладавших репутацией квалифицированного эксперта, носителя знания. Нередко же, как уже отмечалось, толчком для возникновения слуха были «переведенные» по-своему сообщения массовой печати, весьма своеобразно истолкованные слушателями во время коллективной читки вслух. Из «политических» слухов крестьян особенно интересовали известия о войнах. В современном этнографическом исследовании, посвященном преимущественно сельским жителям России, отмечается: «Самые распространенные и всех интересующие слухи – война. Слухи о войне... живут чуть ли не постоянно в народе»⁴⁹.

Начало войны в 1914 году не могло не породить новых волн слухов. Слова «слухи», «неосновательные слухи», «извращенные толки», «вздорные, возбуждающие и злонамеренные слухи» нередко появлялись в жандармских донесениях и губернаторских отчетах эпохи Первой мировой войны. С другой стороны, и Департамент полиции специально запрашивал губернские власти, требуя подтверждения или опровержения той информации о слухах на местах, которая поступала в Петроград. Местная же администрация, по мнению правительства, должна была противодействовать слухам. Уже 31 июля 1914 года министр внутренних дел Н.А. Маклаков отмечал в своем циркуляре: «Время войны есть время особой возбудимости и нервности населения, лишенного правдивого осведомления о текущих событиях и потому легко воспринимающего всякие слухи, чем и пользуются злонамеренные лица». Перед губернаторами ставилась задача решительного пресечения распространения слухов⁵⁰.

В то же время и генерал В.Ф. Джунковский, товарищ министра внутренних дел, требовал от губернаторов борьбы со слухами: «Многу получены сведения, что в некоторых местностях империи под влиянием вздорных, возбуждающих и злонамеренных слухов начинаются весьма нежелательные брожения в среде сельского населения». Показательно, что и в данном случае именно жители деревни считались носителями и распространителями «вздорных» слухов. Борьбой со слухами занялись и военные власти, штаб Киевского военного округа именовал их распространителей «несомненными врагами русского дела и изменниками родины»⁵¹.

Со слухами временами пыталась бороться и националистическая пресса. В феврале 1915 года в петроградском «Вечернем времени» было опубликовано стихотворение «Шептуньи». Неудивительно, что это популярное издание, возглавлявшее пропагандистский поход против «внутреннего немца», называло источником вредных слухов предположительно нелояльных русских этнических немцев: некая «сестрица фон-дер-Блин» становится их постоянно действующим генератором. Затем опасная молва распространяется во всех кругах столичного общества, подрывая патриотическую мобилизацию, коварный внутренний враг торжествует:

Шепчут нервные мамыши,
Желторотые юнцы
И с душой из манной каши
Популярные дельцы,
С меланхолией во взгляде
Повторяют ряд вестей
От воронежского дяди
И сынка из Тетюшей.
Шепчут думцы, шепчут земцы;

⁴⁹ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 429.

⁵⁰ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. С. 44, 45.

⁵¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 402; Новое время. 1914. 5 августа.

И, пустивши первый ком,
Наши внутренние немцы
Ухмыляются тайком.
Шептуны же, все в пылу,
Мечутся кругом:
Шу-шу-шу! В одном углу;
Шу-шу-шу! В другом...
Ох, прогнать бы через строй
Этих шептунов,
Чтоб избавить край родной
От зловещих сов...⁵²

Власти указывали на серьезное воздействие различных слухов, прежде всего их влияние на поведение сельских жителей. Под влиянием слухов, например, крестьяне иногда уклонялись от уплаты повинностей и внесения арендных денег за землю. Поводом для распространения слухов порой было своеобразное толкование правительственных распоряжений. Так, объявленное по армии распоряжение Министерства внутренних дел о приостановлении взимания продовольственных долгов с семей запасных, призванных в армию, понималось солдатами как разрешение не производить платежей. Ходили слухи о каком-то «приказе» Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, якобы освобождающем семьи солдат от платежей всех податей за землю. Иногда крестьяне активно противодействовали нежелательным землеустроительным работам, объясняя свое поведение тем, что они приняли землемеров за немецких шпионов⁵³. В данном случае невозможно точно установить, действительно ли крестьяне были заражены распространенной в то время шпиономанией, или они к своей выгоде стремились «германизировать» тлеющий местный социальный конфликт, имитируя свою плохую осведомленность или повышенную патристическую бдительность.

Среди крестьян ряда губерний ходили слухи о том, что война затеяна для того, чтобы восстановить в России крепостное право, об этом сообщалось в письмах, перехваченных цензурой. Летом 1915 года в Казанской губернии говорили о том, что «баре нарочно ведут войну, чтобы перебить всех молодых, а потом закрепить стариков и баб с ребятишками». В этих условиях проведение земской сельскохозяйственной переписи кормовых продуктов и скота в 1916 году породило панические слухи о возвращении крепостничества, что привело к возникновению настоящих бунтов в некоторых местностях (хотя, возможно, другой причиной волнений было опасение крестьян, что перепись приведет к увеличению налогообложения). В Подольской губернии, например, крестьяне и, особенно, крестьянки, опасавшиеся введения «панщины», порой набрасывались на священников, учителей и других лиц, которым было поручено проводить эту перепись. Они рвали уже составленные списки и заставляли писать приговор об уничтожении земства. Слухи о «восстановлении крепостного права» фиксировались и в декабре 1916 года⁵⁴.

Впрочем, невероятные слухи, провоцировавшие также появление «бабьих бунтов», фиксировались и накануне войны. Летом 1914 года сельские жители Ставропольской губернии были взбудоражены поездками земских статистиков, проводивших экономическое обследование края. Передавали, что земцы специально собирают сведения о наличии земли

⁵² *Wega*. Шептуны // Вечернее время. 1915. 7 февраля.

⁵³ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. С. 21, 44, 125, 215, 231, 260, 311, 336, 343; *Самохин К.В.* Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2004. С. 91 – 92.

⁵⁴ Об этом сообщалось в письмах, перехваченных цензурой. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1028. Л. 1133; Д. 1058. Л. 802; Д. 1064. Л. 1461.

и скота, чтобы половину крестьянской собственности передать в казну, а остатки обложить новыми налогами⁵⁵. Неудивительно, что в особой атмосфере военного времени слухи становились все более невероятными, а действия крестьян и крестьянок – еще более жестокими.

В соответствии с правительственными циркулярами представители власти должны были разъяснять доверчивым и «отсталым» крестьянам «вздорность» всевозможных слухов. С другой стороны, использовались и репрессии. Так, за распространение «ложных слухов о войне» в административном порядке подвергали аресту при полиции. Именно такая формулировка содержалась в некоторых обвинительных приговорах⁵⁶.

Но, как уже отмечалось, в годы войны власти столкнулись и с множеством слухов, распространявшихся не только в крестьянской среде, но и в «интеллигентных слоях», среди жителей крупных городов. Иначе говоря, в условиях войны различным слухам верили не только малообразованные или вовсе неграмотные сельские жители, но и горожане, регулярно читающие газеты. В отчете Охранного отделения за ноябрь 1916 года отмечалось: «Слухи заполнили собою обывательскую жизнь: им верят больше, чем газетам, которые по цензурным условиям не могут открыть всей правды. <...> Общество... жаждет вести разговоры на “политические” темы, но не имеет никакого материала для подобных бесед. Всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр. Не видно конца всем этим слухам, которыми живет изо дня в день столица»⁵⁷.

Вдумчивый историк Первой мировой войны генерал Н.Н. Головин, характеризуя общественные настроения того времени, впоследствии писал в своем исследовании: «Все эти сложные слухи являлись одним из характернейших симптомов того патологического состояния общественной психики, первой причиной которого являлись тяжелые жертвы и напряжение, вызванное войной. Социологу, пожелавшему понять назревание Русской революции, приходится обратить большое внимание на ту роль, которую сыграли эти слухи. Ложные сами по себе, они, тем не менее, широко воспринимались благодаря создавшейся атмосфере всеобщего разочарования и неудовольствия и вместе с этим способствовали еще большему нарастанию этих настроений, так как в корне подрывали моральный авторитет Царской власти. В результате Государь оказался морально изолированным»⁵⁸.

О значении слухов военного времени косвенно свидетельствуют и некоторые известные воспоминания. Так, например, мемуары «Подлинная царица», написанные Л. Ден, приближенной императрицы, ставили своей задачей опровержение многочисленных слухов о последней царице, распространявшихся в столичном обществе.

О слухах вспоминали впоследствии и хорошо информированные руководители тайной полиции: «Общественное мнение, руководимое левыми влияниями, обращается против центральной власти, причем непроверенные злонамеренные слухи разрастаются до инсинуаций против самого Двора. Все спорят, но, в сущности, никто точно не знает, что он отрицает и с чем соглашается, причем несогласие фатально разъединяет интеллигентную среду в момент острого напряжения войны, когда необходимы единение и солидарность»⁵⁹.

В настоящем исследовании предпринята попытка изучения распространения и восприятия образов членов императорской семьи в массовом сознании, прежде всего в слухах.

⁵⁵ Новое время. 1914. 12 июля.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 201 об. – 202.

⁵⁷ Буржуазия накануне Февральской революции / Подг. Б.Б. Граве. М.; Л., 1927. С. 125 – 126.

⁵⁸ Головин Н.Н. Российская контр-революция в 1917 – 1918 гг. Ч. 1: Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. [Таллинн], 1937. Кн. 1. С. 15, 24.

⁵⁹ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2. С. 110.

Между тем следует признать, что важная задача изучения слухов историками России, изучающими различные эпохи, в целом до сих пор не реализована. Среди немногих исключений – работы И.В. Побережникова, В.В. Поветьева, В.Б. Аксенова⁶⁰.

В многочисленных же исследованиях, посвященных политической истории Первой мировой войны, известные слухи нередко упоминаются, но лишь как некий общий психологический фон для действий основных участников политического процесса.

Это связано не только с недооценкой темы многими историками, традиционно считающими достойными внимания серьезного ученого лишь сюжеты т.н. «большой политики», которая, по их мнению, является уделом «элит». Изучение слухов представляет и необычайно сложную исследовательскую проблему. Трудности ее решения связаны как с выбором адекватных источников, так и со способами их обработки и интерпретации.

⁶⁰ *Побережников И.В.* Слухи как фактор крестьянского движения в Западной Сибири XVIII – первой половине XIX в. // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1990; *Его же.* Общественные настроения в уральской деревне XVIII – XIX вв. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2; *Его же.* Слухи в социальной истории: Типология и функции (По материалам восточных регионов России, XVIII – XIX вв.). Екатеринбург, 1995; *Поветьев В.В.* Слухи в тамбовской деревне в период Первой мировой войны // Война и общество: Материалы международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов 25 февраля 1999 г. Тамбов, 1999. С. 23 – 24; *Аксенов В.Б.* Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история: Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 163 – 200.

Глава II

ИЗУЧЕНИЕ СЛУХОВ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ

Нередко первым источником, который знакомит исследователя с темой, являются мемуары. Можно привести немало случаев, когда авторы воспоминаний влияли на направление исследований и на аргументацию авторов. Достаточно вспомнить хотя бы «Дни» В.В. Шульгина, которые цитировались, цитируются и, надо полагать, будут цитироваться историками революции, хотя критическое исследование этого источника давно уже назрело.

Порой мемуаристы пытаются придать своим воспоминаниям большее информационное значение, включая в него официальные документы, письма, фрагменты дневников. В этом случае авторы мемуаров выступают в роли публикаторов, впрочем, порой весьма пристрастных.

Важнейшим источником являются письма и дневники. Однако нередко мы сталкиваемся здесь со случаями позднейшего «переписывания» и, еще чаще, со случаями редактирования дневников при подготовке их к изданию.

Так, например, в знаменитой книге М.К. Лемке «250 дней в царской ставке», которую часто используют историки, содержится дневниковая запись за 18 июля 1914 года: «Царь-немец боится войны и упорно стоит против нее, в особенности в военном совете»⁶¹. Однако в оригинале запись выглядит несколько иначе: «Государь не хочет войны и очень упорно стоит против нее в военном совете»⁶². Как видим, в опубликованном в советское время варианте Лемке, вполне в духе времени, «редактирует» свой дневник, демонстрирует меньше уважения к императору, стремясь представить свою позицию более радикальной, антимонархической. К сожалению, в архивном фонде автора отсутствуют дневники, использовавшиеся в основной части книги, но нельзя исключать вероятности того, что и другие фрагменты текста подверглись серьезным изменениям.

Ярким примером существенной корректировки дневниковых записей служит и знаменитая «Синяя книга» З.Н. Гиппиус, которая также весьма часто цитируется исследователями.

В 1927 году З.Н. Гиппиус, находившаяся в эмиграции, получила через знакомых текст своего «дневника» за 1914 – 1917 годы, который был оставлен ею в Петрограде⁶³. Вскоре отрывки текста появились в различных эмигрантских периодических изданиях, а в 1929 году белградское издательство «Русская библиотека» выпустило отдельное издание под заголовком: «Синяя книга: Петербургский дневник, 1914 – 1918». Сама Гиппиус в предисловии противопоставляла свою книгу воспоминаниям, неизменно искажающим прошлое: «Дневник – не стройный “рассказ о жизни”, когда описывающий сегодняшний день уже *знает* завтрашний, знает, чем все кончится. Дневник – само *течение жизни*. В этом отличие “Современной Записи” от всяких “Воспоминаний”, и в этом ее особые преимущества: она воскрешает атмосферу, воскрешая исчезнувшие из памяти мелочи. Воспоминания могут дать образ времени. Но только Дневник дает время в его длительности». Гиппиус утверждала, что она должна откровенно взглянуть на прошлое, как это для нее ни болезненно, хотя она и готова к появлению новых недоброжелателей, заинтересованных в искажении истории: «Я не обма-

⁶¹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. С. 10.

⁶² ОР ИРЛИ. Ф. 661. Оп. 1. Д. 15. Л. 47 (Лемке М.К. Дневник (№ 16), 1914 – 1915 гг.).

⁶³ Павлова М.М. Из небытия // Наше наследие. 1990. № 6 (18).

нываю себя: те, кто из страха – даже перед самой малой частицей правды – преодолеть не могут, – станут моими врагами. Это всегда так бывает»⁶⁴.

Книга Гиппиус была сразу же встречена с большим интересом, на нее нередко ссылаются историки, серьезно повлияла она и на художественную традицию изображения революции. Читателей привлекала и привлекает декларируемая в предисловии предполагаемая предельная искренность автора, который решительно отказывается, несмотря на изменившиеся обстоятельства, «подправлять» свой текст в угоду изменившейся политической конъюнктуре.

Между тем текст книги Гиппиус отличается от более ранней редакции, озаглавленной «Современная запись». Последняя хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Эта редакция, сохранившаяся в рукописном и машинописном вариантах, датирована июнем 1918 года, она также готовилась для публикации за границей⁶⁵.

	«Современная запись»	«Синяя книга»
29 сентября 1914 года	«Воздвигнуть некий Николайград — по-казенному "Петроград". Толстый шардворец Витмер подсунул дураку подписать: патриотично, мол, а то, что за "бург", по-немецки (!?) И без того, мол, Алиса немка. Ну, дурак и подмахнул по-хлестаковски: "Пусть называется!"»	«Воздвигнуть некий Николайград — по-казенному "Петроград". Витмер подсунул царю подписать: патриотично, мол, а то, что за "бург", по-немецки (!?)»
4 сентября 1915 года	«Главкомандующий сменен, сам несчастный помазанив с дилым упрямством поехал на фронт»	«Главкомандующий сменен, сам царь поехал на фронт»
4 сентября 1915 года	«Правительство, в конце концов, не боится и немцев, ему наплевать на Россию в высокой степени. Царь ведь прежде всего — предатель, а уж потом осел по упрямству и психопат»	«Правительство, в конце концов, не боится и немцев»
24 ноября 1915 года	«У Гришки охрана, у Хвостова своя, хвостовские наблюдатели наблюдают за Гришкиными, Гришкины — за хвостовскими. Сам же Гриша правит, пьет и фрейлинт. Федоровну, по привычке»	«У Гришки охрана, у Хвостова своя, хвостовские наблюдатели наблюдают за Гришкиными, Гришкины — за хвостовскими»
23 февраля 1917 года	«Царь удрал на фронт. Лафа теперь вдвоем "пресекать" — истеричке-Алисе и сумасшедшему Протопопову»	«Царь уехал на фронт. Лафа теперь в Царском Г-ке "пресекать"»
9 марта 1917 года	«Бог спасет Россию. Маленький безумец Николай был дан ей мудро, чтобы она проснулась. Какая роковая у него судьба! Был ли он? То есть не шлевал ли он, посланный дьяволом среди пшеницы, человек без души, марево, посланное для искушения людей? Он равнодушно и мертво, молчаливо, как всегда, проехал тенью в Царскосельский Дворец, где его и заперли»	«Бог спасет Россию. Николай был дан ей мудро, чтобы она проснулась. Какая роковая у него судьба! ли он? Он, молчаливо, как всегда, проехал тенью в Царскосельский Дворец, где его и заперли»
	ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 39, 41, 48 — 49, 82, 126, 137	Синяя книга: Петербургский дневник, 1914 — 1918. Белград, 1929. С. 13, 37, 38, 44 — 45, 72, 11, 119

Как видим, задним числом Гиппиус существенно «смягчала» свои оценки покойных царя и царицы, искажая свою собственную политическую позицию десятилетней давности. Она избавляла свой окончательный текст от наиболее одиозных слухов, ложность которых со временем уже стала явной (показательно, что «дневник» очищался именно от подобных слухов, автор стремился представить себя более рациональным аналитиком, верно прогнозирующим развитие событий). Возможно, на изменение текста повлияло не только желание автора задним числом «подправить» анализ ситуации, продемонстрировать большую «проницательность», но и изменение политических взглядов самой Гиппиус. Нельзя исключать и того обстоятельства, что при переработке текста автор стремился учесть возможную реакцию своих издателей и читателей. Опубликовало бы белградское издательство «Русская библиотека» книгу с упомянутыми характеристиками царской семьи? Как были бы они восприняты эмигрантской читательской аудиторией?

В опубликованной редакции «дневника» некоторые фрагменты существенно отличаются от «Современной записи». Так, в ней значительно смягчены оценки императора (Гиппиус в ранней редакции нередко пренебрежительно именует его «Ники») и императорской семьи. К моменту создания первой редакции «дневника» царь и царица были еще живы,

⁶⁴ Гиппиус З.Н. Синяя книга: Петербургский дневник, 1914 – 1918. Белград, 1929. С. 5 – 6.

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

последовавшая же вскоре трагическая смерть семьи Николая II, возможно, и заставила Гиппиус впоследствии изменить окончательный текст. Приведем ряд примеров:

Однако можно ли считать и «Современную запись» подлинным дневником Гиппиус? И у этого текста имелись свои источники. Один из них – дневник Д.В. Философова. Иногда Гиппиус указывает, что она его цитирует. Но в некоторых случаях она буквально воспроизводит дневник Философова, несколько его редактируя, не упоминая данный источник вовсе. Текстуальные совпадения двух дневников таковы, что их нельзя объяснить только общими источниками информации или взаимным обсуждением фактов, излагаемых каждым автором. Композиция информационных сообщений, построение фраз, использование одинаковых слов – все это свидетельствует о том, что мы имеем дело с цитированием. При этом следует отметить, что мартовские дневниковые заметки Философова – это подчас краткие спешные почасовые записи. Здесь возможность цитирования другого дневника исключается. Сухая, но честная дневниковая запись Философова умело редактируется Гиппиус и под ее пером превращается в яркое художественное произведение. В 1917 году Гиппиус действительно вела дневник. Но текст его пока невозможно реконструировать. Можно только с уверенностью утверждать, что он существенно отличался не только от опубликованной «Синей книги», но и от ее ранней редакции 1918 года – «Современной записи»⁶⁶.

Как и во многих других случаях, граница между дневниками и воспоминаниями предстает весьма неопределенной и проницаемой.

Важным источником для изучения общественного сознания являются материалы перлюстрации почтовой корреспонденции. Исследователи, например, широко используют материалы военной цензуры эпохи Мировой войны.

Военные власти уже в годы Первой мировой войны осознали значение военно-цензурных сводок как источника по изучению общественного сознания как военнослужащих, так и их корреспондентов. С весны 1916 года военные цензоры различных частей и соединений должны были составлять отчеты по новой форме. Они заполняли специальные таблицы, учитывая отдельно письма военнослужащих своей части, военнослужащих других частей, а также корреспонденцию гражданских лиц, адресованную солдатам и офицерам. Цензоры должны были подсчитать общее количество писем, число изъятых писем, число писем, в которых отдельные фразы были изъяты цензорами. Указывалось количество писем «бодрых духом», «безразличных» и «угнетенных духом». Отдельно указывались всевозможные мотивы недовольства. Необходимо было отмечать письма, в которых затрагивались общие политические проблемы, отдельно подсчитывались «хорошие» и «плохие» письма. Некоторые армейские цензоры-энтузиасты по своей инициативе подсчитывали даже число писем «любовных» и «поздравительных», другие добросовестные перлюстраторы превращали свои служебные отчеты в небольшие социологические исследования. Очевидно, командование вооруженных сил хотело получить представление об истинных настроениях армии и страны и использовало для этого подчиненную ему цензуру. Но эта новая функция военно-цензурного ведомства противоречила его основной задаче: сохранению военной тайны. В ходе войны цензура становилась все более строгой, командованием разного уровня издавались все новые приказы, согласно которым солдаты знакомились с темами, которых запрещалось касаться в их переписке. До военнослужащих постоянно доводили соответствующие приказы и перечни наказаний, которые должны были последовать в случае их нарушения. В тыловых частях соответствующие приказы вывешивались рядом с почтовыми ящиками в казармах, на фронте же переписка солдат просматривалась командирами, которые легко

⁶⁶ Подробнее см.: Колоницкий Б. К вопросу об источниках «Синей книги» З.Н. Гиппиус // Русская эмиграция: Литература, история, кинолетопись (Материалы международной конференции, Таллинн, 12 – 14 сентября 2002) / Ред. В. Хазан, И. Белобровцева, С. Доценко. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 23 – 34.

могли заставить подчиненных им авторов писем быть менее откровенными в своей корреспонденции. Но цензоры вымарывали не только сведения, содержавшие военную тайну. В письмах уничтожались, например, фразы, в которых сообщалось о рабочих волнениях в тылу. Наказывались даже некоторые военнослужащие, отправлявшие письма «безнравственного» содержания (понятие «нравственности» понималось разными цензорами по-своему)⁶⁷.

Разумеется, солдаты, опасаясь репрессий, все более осторожно подходили к написанию своих писем, по крайней мере тех, которые отправлялись, в соответствии с правилами, через военно-полевую почту, а не обходным путем, с какой-нибудь оказией. Рядовые военнослужащие и их родственники прибегали и к особым хитроумным способам, пытаясь избежать просмотра своих писем военными цензорами. Они, например, укрывали послания в орехи, вложенные в посылки, изобретали всевозможные доморощенные шифры⁶⁸.

В письмах же, посылавшихся обычным путем, бывалые солдаты предусмотрительно обходили опасные темы – и острые вопросы армейской жизни, и злободневные политические проблемы. Ужесточение военной цензуры неизбежно влекло и значительное усиление самоцензуры солдат. В их письмах нередко встречались слова: «Написал бы больше, да сами знаете...» Один кавалерист сообщал адресатам: «Теперь посылать письма мы должны не закрытыми. Их сначала прочитывает эскадронное начальство и потом отправляет. Ввиду чего писать конечно можно, что жив и здоров. И уже не заикайся о том, как тебе живется»⁶⁹. Уроженец Казанской губернии, служивший в армии, сообщал своим домашним в 1915 году: «Ну опять если в этом письме будет что зачеркнуто или вырезано, то я даже не знаю, что писать; придется последовать совету полковника: “Пишите: жив, здоров, живем весело, стремлюсь всей душой быть честным сыном своей справедливой родины – это самое приятное письмо на родине”»; «Ох, да не стоит писать, я знаю, что письмо не получишь». Разумеется, и эти письма были задержаны цензурой и не дошли до своих адресатов⁷⁰.

Военные цензоры были, разумеется, осведомлены о подобной самоцензуре солдатских писем, это влияло на их оценки настроений и взглядов военнослужащих. В одной из сводок сообщалось: «Сравнительная бесцветность корреспонденции отчасти объясняется наличием цензуры, и наиболее верно отражающая истинный характер настроения переписка проходит помимо цензуры»⁷¹.

Показательно, что и вдумчивые аналитики «обычной», полицейской цензуры, опытные чиновники Министерства внутренних дел, отмечали снижение по сравнению с мирным временем важной в политическом отношении информации в перлюстрированной переписке, прямо связывая это с введением военной цензуры. Так, в обзоре просмотренной частной корреспонденции за 1915 год они не без сожаления указывали «на заметную в суждениях разных лиц сдержанность, вызванную установлением официального просмотра частной корреспонденции, т.е. военной цензуры»⁷².

Поэтому неудивительно, что огромное число солдатских писем характеризовались военными цензорами как «безразличные». Это не значит, например, что все военнослужа-

⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 814. Л. 342, 364 – 365 об.

⁶⁸ *Локтева Н.А.* Фронтовые письма как источник для изучения морального и патриотического духа солдат Первой мировой войны (По документам Госархива Самарской области) // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7 – 8 сентября 2004 года / Отв. ред. В.П. Козлов. М., 2006. С. 101.

⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 814. Л. 345 об., 353.

⁷⁰ Царская армия в период Мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению Империалистической и Гражданской войны) / Ред. А. Максимов. Казань, 1932. С. 24, 41.

⁷¹ Цит. по: *Покровский М.Н.* Империалистическая война: Сб. статей, 1915 – 1927. С. 234.

⁷² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 1.

щие в действительности были аполитичными. Так, хотя, по оценке самих военных цензоров, солдат очень интересовала проблема созыва Государственной думы, но эта тема не находила особого отражения в их переписке⁷³.

Современный исследователь А.Б. Асташов, на сегодняшний день лучший знаток солдатской переписки эпохи Мировой войны, внимательно изучивший множество архивных дел, содержащих материалы военной цензуры, нашел только одно письмо, в котором осуждался Николай II⁷⁴. Но на этом основании мы никак не можем судить о преобладании монархических настроений среди солдат (к тому же некоторые известные публикации документов приводят яркие примеры осуждения императора в солдатских письмах)⁷⁵.

Военную цензуру дополняют сводки Пятого особого отделения Департамента полиции Министерства внутренних дел (Секретная часть). Это замечательный источник, однако его использование затрудняется в силу различных обстоятельств. Прежде всего создается впечатление, что цензуре этого рода подвергалась преимущественно переписка «политической элиты»: систематически просматривались письма депутатов Государственной думы и активистов политических партий, генералов и бюрократов, известных публицистов и аристократов, университетских профессоров и православных епископов. Послания же т.н. «простых людей», похоже, изучались и копировались весьма выборочно. К тому же, похоже, в данном случае мы имеем дело и с самоцензурой цензоров, дозирувавших информацию, предоставлявшуюся начальству. Не все острые вопросы представлены в выписках из писем, и не все выписки использовались затем в сводных аналитических записках. Так, создается впечатление, что цензоры не всегда копировали резкие критические замечания в адрес императора и императрицы⁷⁶.

Слухи предреволюционной эпохи нашли отражение и в различных памфлетах, изданных после Февраля 1917 года. Политизированные читатели жаждали сенсационных разоблачений, и предприимчивые издатели охотно шли им навстречу. «Нужно пролить полный свет на все то, что творилось за кулисами дворцов», – заявлял решительно автор одного из очерков, утверждавший среди прочего, что император Петр Великий был... сыном патриарха Никона⁷⁷. Слухи стали также основой сюжетов всевозможных «злбодневных» пьес и кинофильмов⁷⁸. Однако, разумеется, было бы неверно использовать обличительную литературу революционного времени напрямую для восстановления общественного сознания предреволюционной эпохи: воображение авторов, стремясь удовлетворить ожидания возбужденных читателей и зрителей, умножало самые невероятные слухи, добавляя к старым вымыслам новые.

При изучении того, как воспринимались образы членов императорской семьи и соответствующие слухи, мы старались использовать все перечисленные источники, придавая особое значение тем образам, которые появляются в различных источниках.

⁷³ РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 814. Л. 345 об.

⁷⁴ Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72 – 86.

⁷⁵ Солдатские письма в годы мировой войны (1915 – 1917 гг.) // Красный архив. 1934. Т. 4 – 5.

⁷⁶ Затем информация подвергалась дальнейшей фильтрации. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов показывал: «Перлюстрация, по моему впечатлению, приносила мало пользы, в смысле ознакомления с настроением общества. ... За время моего управления наиболее интересные письма касались событий, связанных со смертью Распутина; они давали понятие об отношении великих князей и знати к убийству и, в связи с ним, – к царице. Такие письма я доводил до ее сведения; иногда представлял и царю, если в письмах его резко не осуждали» (Гибель монархии: [Сб.] / Вел. князь Николай Михайлович, Михаил Владимирович Родзянко, Вел. князь Андрей Владимирович, Александр Дмитриевич Протопопов; [Сост.: А. Либерман, С. Шокарев]. М., 2000. С. 457 – 458).

⁷⁷ Николай II и Ко. Из журнала «Будущее» // Народная нива. Гельсингфорс, 5 (18) мая.

⁷⁸ Об антимонархической теме в массовой культуре 1917 года см.: *Hemenway E.J. Nicholas in Hell: Rewriting the Tsarist Narrative in the Revolutionary Skazky of 1917* // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60. P. 185 – 204; *Аксенов В.Б.* 1917 год: Социальные реалии и киносюжеты // Отечественная история. 2003. № 6. С. 8 – 21.

Особое же внимание в настоящей работе уделяется уголовным делам, возбужденным против людей, обвинявшихся в оскорблении членов императорской семьи. В последнее время этот источник широко используется исследователями истории России, изучающими политическое сознание различных эпох (П.В. Лукин, Е.В. Анисимов, И.В. Побережников, И.К. Кирьянов, О.С. Поршнева, В.Б. Безгин, Н.А. Дунаева, Е.А. Колотильщикова, О.А. Сухова⁷⁹).

Данный источник весьма повлиял на настоящее исследование, определяя как поиск других, дополняющих источников, так и структуру этой книги.

⁷⁹ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века: Автореф. ... к.и.н. М., 1998; *Его же*. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. 293 с.; Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. 720 с.; Побережников И.В. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. Новосибирск, 1989; *Его же*. Дела об оскорблении императорской фамилии (Сибирь, вторая половина XIX века) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 383 – 390; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Безгин В.Б. «Царь-батюшка» и «народ-богоносец» (Крестьянский монархизм конца XIX – начала XX века) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического ун-та: Сб. науч. ст. СПб., 2004. Вып. 2. С. 29 – 34; *Его же*. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004. С. 127 – 131; Дунаева Н.А. Отношение российского крестьянства к царю (На рубеже XIX – XX веков) // Платоновские чтения (Материалы VIII Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара, 6 – 7 декабря 2002 г.). Самара, 2003. С. 90; Кирьянов И.К. Политическая культура русского крестьянства в период капитализма (По уральским материалам) // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1990. С. 100 – 115; Колотильщикова Е.А. Дела об оскорблении его императорского величества и лиц царствующего дома как источник изучения крестьянского сознания в конце XIX – начале XX в. (По материалам Тверской губернии) // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект (Материалы XVII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16 – 17 мая 2005 г.). СПб., 2005. Ч. 1. С. 142 – 147; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008. 678 с. Одна из самых ранних работ по данной теме: Иванов Л.М. Дела о привлечении крестьян к ответственности по 103-й и 246-й статьям как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой революции // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VII – VIII. С. 119 – 134.

Глава III

ДЕЛА ПО ОСКОРБЛЕНИЮ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКА

Имперское «Уложение о наказаниях» рассматривало оскорбление членов правящей династии как серьезный проступок – до восьми лет каторги мог получить человек, виновный «в оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника престола, или в угрозе их Особе, или в надругательстве над их изображением, учиненным непосредственно или хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении или публичном выставлении с той же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных». Другие статьи «Уложения» предусматривали подобные наказания и за оскорбления иных здравствующих членов императорской фамилии, а также «Деда, Родителя, или Предшественника Царствующего Императора». Правда, если оскорбление было совершено «без цели возбудить неуважение», то и наказание существенно смягчалось. Если же преступление совершалось «по недоразумению, или невежеству, либо в состоянии опьянения», то и это считалось обстоятельством, облегчающим вину обвиняемого⁸⁰. Соответственно, согласно букве закона, трезвые, грамотные и образованные правонарушители должны были подвергаться более суровому наказанию. Это побуждало многих обвиняемых выставять себя менее образованными, чем они были в действительности, а также менее трезвыми, чем они были в момент совершения ими преступления.

Историк Е.А. Колотильщикова, изучавшая оскорбления в Тверской губернии в 1881 – 1904 годах, отмечает, что наказания за это преступление в основном ограничивались арестами нарушителей при волостных правлениях, реже – тюремным заключением⁸¹. Это было характерно и для периода Первой мировой войны, хотя встречались и отдельные случаи более суровых наказаний.

Современный исследователь В.Б. Безгин, изучавший дела по оскорблению царя крестьянами с 1880-х по 1907 год, отмечал: «Общим в делах об оскорблениях этого периода являлось то, что крамольные речи звучали чаще всего в трактире, а произносившие их были пьяны»⁸².

В рассматриваемый нами период оскорбления совершались не только в питейных заведениях. К тому же, как уже отмечалось, обвиняемые во время допросов порой явно преувеличивали степень своего опьянения – они не без основания полагали, что к пьяному оскорбителю членов царской семьи власти отнесутся более снисходительно. Неудивительно, что органы дознания тщательно стремились определить, действительно ли обвиняемый был пьян в момент совершения им преступления: это могло существенно повлиять на тяжесть налагаемого наказания.

Иногда власти привлекали по этим статьям «Уложения» тех людей, которые, по их мнению, оскорбляли государственную символику. Так, дела возбуждались против лиц, отказывавшихся встать при исполнении государственного гимна, не снимавших в этой ситуации головные уборы⁸³.

⁸⁰ Уголовное уложение. СПб., 1903. С. 35 – 37.

⁸¹ Колотильщикова Е.А. Дела об оскорблении его императорского величества. С. 143.

⁸² Безгин В.Б. «Царь-батюшка» и «народ-богоносец» (Крестьянский монархизм конца XIX – начала XX в.). С. 30 – 31.

⁸³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 319, 350 об. – 351; ЦДАУК. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3299, 3310, 3503, 3504.

Оскорбление членов императорской семьи считалось преступлением государственным. Упомянутые статьи включались в главу третью «Уложения о наказаниях»: «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома». Именно оскорбления императорской фамилии перед Первой мировой войной давали наибольшую долю государственных преступлений. Современный исследователь истории одного из губернских жандармских управлений отмечает, что самым распространенным основанием для привлечения к дознанию по обвинению в государственном преступлении было произнесение «дерзких слов» или «преступных выражений» против особы государя императора⁸⁴.

Этот вывод подтверждается и другими источниками, описывающими ситуацию во всей России. Так, в 1911 году 62 % лиц, осужденных за государственные преступления, проходило по соответствующим статьям «Уложения о наказаниях». Иногда власти считали необходимым явных политических противников привлекать к судебной ответственности именно за оскорбление императорского дома. Так, когда известный «охотник за провокаторами» В.Л. Бурцев вернулся в Россию после начала Первой мировой войны, то он при пересечении границы был задержан и передан в распоряжение прокурора Петроградской судебной палаты, который возбудил предварительное следствие по обвинению Бурцева в преступлении, предусмотренном 1-й частью статьи 103 Уголовного уложения. В вину ему вменялась публикация в 1913 году в парижской газете «Будущее» статей, оскорбляющих императора. Особое присутствие Петроградской судебной палаты признало Бурцева виновным, он был приговорен к ссылке на поселение.

Однако большая часть лиц, привлеченных к ответственности за оскорбление членов императорской семьи в 1911 году, не рассматривалась властями как серьезные политические преступники. Большинство (1167 из 1203) отделались арестом, часто кратковременным. И состав преступников весьма отличался: если другие виды государственных преступлений совершались в основном представителями т.н. «интеллигентных слоев общества», т.е. лицами, имевшими среднее и высшее образование, то за оскорбление императорской фамилии к уголовной ответственности привлекались преимущественно поденщики, горнорабочие и главным образом лица, занимающиеся сельским трудом (в 1911 году 80 % лиц, привлеченных за оскорбление Его Величества, составили крестьяне). Среди людей, совершивших другие государственные преступления, представителей национальных меньшинств было больше, чем их доля в населении империи, а по делам за оскорбление императорской фамилии привлекались преимущественно русские (т.е., соответственно бюрократической классификации того времени, великороссы, украинцы, белорусы)⁸⁵. И так, если верить современной уголовной статистике, оскорбление представителей царской семьи – это прежде всего преступление «пьяное», «русское» и «крестьянское».

Вряд ли, однако, представители иных сословий и других этнических групп реже, мягче или осторожнее оскорбляли в своих речах членов царствующего дома Романовых. Это подтверждают иные источники. Так, французский посол, характеризуя настроения в Петрограде в октябре 1914 года, отмечал, что такое преступление, как «оскорбление его величества», является привычным проступком в светских беседах высшего общества столицы⁸⁶. Однако

⁸⁴ *Алексеева М.А.* Новгородское губернское жандармское управление (1867 – 1917 гг.): Автореф. дис. ... к.и.н. Великий Новгород, 2007. С. 19.

⁸⁵ *Тарновский Е.Н.* Статистические сведения об осужденных за государственные преступления в 1905 – 1912 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 10. С. 43, 47, 63 – 64. Национальная принадлежность представителей «господствующей нации» в делах по оскорблению не всегда указывалась. Лишь в некоторых случаях отмечалось – «русский», «малоросс», «белорус». Напротив, когда речь шла о других этнических группах, национальность указывалась как правило. О деле Бурцева см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 489 – 490.

⁸⁶ *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 162.

участников этих светских разговоров, которые велись в петроградских особняках, к уголовной ответственности за это преступление не привлекали. Вернее было бы предположить, что в русской (т.е. великорусской, украинской, белорусской) крестьянской, деревенской среде в силу различных причин чаще находились желающие информировать власти о преступлении этого рода, а образованные горожане разного положения сравнительно редко использовали именно это обвинение в своих доносах.

Существовало несколько типичных ситуаций, при которых в русской деревне оскорблялись царь и члены его семьи. Условно можно разделить их на «случайные» оскорбления, «карнавальные» оскорбления, оскорбления, связанные с конфликтами на селе, мотивированные религиозные оскорбления и, наконец, собственно политические оскорбления – оскорбления в связи с недовольством политикой государства, которую олицетворяли царь и некоторые другие члены императорской фамилии.

Нередко речь простолудинов была столь насыщена непристойностями, что любое упоминание императора или членов его семьи в самом обычном разговоре могло формально рассматриваться как грубое оскорбление царствующего дома – имя члена императорской семьи попросту «обрамлялось» привычными и неизбежными ругательствами, которые могли и не нести никакой особой смысловой нагрузки. Как заявил один из обвиняемых за оскорбление царя, он «выразился бранными словами исключительно по привычке всякий разговор сопровождать бранью», или, как сказал другой крестьянин, признавший себя виновным, он «произнес бранные слова по отношению к Особе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА по привычке всегда употреблять в разговорах брань»⁸⁷. Возможно, при записи объяснения и оправдания обвиняемых были искажены, но смысл заявлений они, скорее всего, передавали верно. Власти, очевидно, порой учитывали это обстоятельство. Так, в одном уголовном деле по оскорблению царя встречается следующий комментарий, звучащий если и не как оправдание, то как аргумент в пользу более снисходительного отношения к провинившемуся: «...а, вдобавок, еще нецензурные слова вошли в обыкновенность, то он мог сказать без всякой цели, не зная, что этим наносит оскорбление особе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА»⁸⁸. Похожее объяснение своего преступного поведения обвиняемыми содержится и в некоторых других делах: ненамеренно оскорбил царя «по привычке бесцельно сопровождать разговор бранными словами, ...не относил таковых к священной Особе ГОСУДАРЯ»; «Цели оскорбить ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО у него не было. Бранное слово он употребил по привычке к сквернословию»⁸⁹.

В некоторых же случаях оскорбление было следствием «вывернутого», «карнавального» поведения в особой, необычной ситуации, отличавшейся от повседневной жизни. Такая особая ситуация требовала и особого поведения, и особых слов. Так, в ряде случаев пьяный человек должен был вести себя совсем не так, как человек трезвый, код поведения в этой ситуации менялся на противоположный. Соответственно сакральное в таких ситуациях обозначалось как профанное, высокое – как низкое. Очевидно, многие люди искренне полагали, что в таких особых случаях они могут безнаказанно оскорблять и царя, и Бога. Показательно, что оскорбления Царя Небесного и царя земного переплетались: это может косвенно свидетельствовать о сохраняющейся традиции сакрализации монарха. Так, еще в 1911 году некий крестьянин, «будучи несколько выпивши», брел по улицам заводского поселка и громко сообщал встречным, что Бога он боится, но святых угодников и Божию Матерь не почитает, ругал ее, Чудотворца Николая, Серафима Саровского и государя императора матерными словами⁹⁰. Мы не знаем, насколько серьезно обвиняемый относился к своим сло-

⁸⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 310 об. – 311, 321об., 387.

⁸⁸ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 458. Л. 21 об.

⁸⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1035. Л. 36; Оп. 521. Д. 476. Л. 170 об. – 171.

⁹⁰ ГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 8762. Л. 43. Сообщено Н.А. Дунаевой.

вам, но сам факт помещения царя в ряду святых весьма интересен, пьяный крестьянин бросал вызов определенной сакральной структуре, частью которой для него, бесспорно, был и образ российского императора. Этот случай, однако, нельзя считать примером антимонархического сознания, точно так же как и богохульство не всегда указывает на сознание атеистическое или даже на сознание антиклерикальное.

Показательно, что в пьяном состоянии обвиняемые оскорбляли прежде всего царя, так, например, среди оскорбителей великого князя Николая Николаевича пьяные почти не упоминаются. Последний не включался в систему сакральных символов наряду со святыми, поэтому и оскорбляли его иначе, «трезво» – более рационально, более аргументированно.

Выпившие крестьяне нередко исполняли песни, содержавшие оскорбления царской семьи. Очевидно, эти песни были довольно известными, распространенными в деревнях. Можно предположить, что в сельской среде существовала определенная фольклорная традиция вызывающего «карнавального» оскорбления царя и его родственников в определенных ситуациях. Часто эти песни были весьма неприличными:

Государь наш Николашка
Жена его Саша,
Мать его Маша...

Далее следовала нецензурная брань⁹¹. Еще более непристойной была другая частушка, исполнявшаяся пьяным 19-летним крестьянином:

Как у нашего царя ... аршина полтора,
А у нашей у царицы ... шире рукавицы⁹².

Вряд ли подобных певцов можно безоговорочно зачислить в ряды носителей антимонархического сознания.

Часть популярных песен такого рода, певшихся пьяными крестьянами, судя по их содержанию, сочинялась арестантами:

Иду в Сибирь,
Кляню Россию,
... Царя
и мать Марию⁹³.

Иногда и исполнителями песен были бывшие арестанты, совершавшие новое преступление, на этот раз уже государственное. Так, в день пасхального праздника 1916 года лишенный всех особенных прав и преимуществ 29-летний крестьянин Вологодской губернии, отбывший уже два срока в местах заключения, пел пьяный на сельской улице: «Бога нет, ЦАРЯ не надо, губернатора убьем, мы, мазурики-арестанты, всю Россиюшку пройдем»⁹⁴. Похожую частушку, сложенную уже в годы Первой мировой войны, распевали в сентябре

⁹¹ Там же. Л. 27. Сообщено Н.А. Дунаевой.

⁹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 11 об.

⁹³ Там же. Л. 34. Другой вариант частушки: «Еду из Сибири в Россию, ... царя и мать его Марию»: Там же. Л. 514. Можно предположить, что эта песня, упоминавшая мать императора, появилась под влиянием какого-то богохульного стиха.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 286 об. – 287.

1915 года в Лужском уезде Петроградской губернии: «Нам ни Бога, ни Царя, – никого не нужно. Губернаторов убьем и под немца жить пойдем»⁹⁵.

Мужчина же, призываемый на службу в армию, а тем более на войну, мог во время призыва пить, буйствовать, хулиганить, это в данной ситуации порой считалось терпимым, а иногда и вполне допустимым. Подобные противоправные, наказуемые законом действия санкционировались обычаем, не воспринимались как преступления.

Впрочем, можно предположить, что в некоторых случаях призывники сознательно использовали особую ситуацию терпимого к ним отношения для безопасного нарушения закона. Так, порой они пользовались относительной свободой слова, предъявляя императору политические претензии. Показателен случай 20-летнего крестьянина Казанской губернии Ф.В. Фоменцова. 3 июня 1915 года он, пьяный, ругался на улице в пригороде. Стражник предупредил его, что на улице ругаться нельзя. Фоменцов возразил, что он идет на военную службу. В присутствии свидетелей он затем сказал: «Я иду за ЦАРЯ голову сложить, а Он (брань) земли нам не дал». Обвиняемый властями Фоменцов действительно был зачислен на военную службу, а дело о нем было приостановлено⁹⁶.

И во многих других случаях, когда обвиняемые призывались в армию, дела по оскорблению членов царской семьи приостанавливались. Очевидно, власти не желали давать возможность будущим солдатам отсрочить свой призыв, намеренно совершая это преступление. Возможно, часть запасных, мобилизуемых в армию, предпочли бы сравнительно легкое наказание – обычно арест при волостном правлении – немедленной отправке на фронт. Одному русскому солдату, оскорбившему великого князя Николая Николаевича, присутствующие заметили, что он может за это ответить (т.е. будет арестован). Его же эта перспектива наказания за совершение государственного преступления вовсе не испугала: «Я этого не боюсь; для меня еще лучше, так как тогда на войну не пойду». С 24 июля по 9 октября 1915 года он действительно находился под стражей, а затем все-таки был отдан под надзор военного начальства. Но отказ обвиняемого признать совершение преступления, отсутствие свидетелей, в свою очередь призванных и отправленных уже в действующую армию, затягивало вынесение судебного приговора, обвиняемого переводили из части в часть, а к 1917 году он дезертировал. После же революции он был реабилитирован⁹⁷. Очевидно, в данном случае расчет оскорбителя оказался совершенно верным: совершение государственного преступления, оскорбление члена императорской семьи помогло ему избежать направления на фронт и, скорее всего, спасло жизнь.

Но можно также предположить, что позиция властей, приостанавливающих уголовное преследование военнослужащих, подтверждала совершенно особый статус призывников и отпускников, солдат-ветеранов в глазах односельчан. Им перед отправкой на службу, а порой и во время отпусков позволялось делать то, что прочим людям возбранялось. Неудивительно, что преступление порой совершалось открыто, демонстративно, а иногда даже в присутствии представителей власти. Рядовой лейб-гвардии Павловского полка, находившийся в отпуске дома, в деревне Олонецкой губернии, в сопровождении двух знакомых стражников (!) отправился навещать общих приятелей. При этом храбрый солдат императорской гвардии в присутствии дружественных ему представителей власти пел застольную песню, начинающуюся словами: «Вся Россия торжествует, Николай вином торгует»⁹⁸.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1421 – 1421 об.

⁹⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 317 об.

⁹⁷ Там же. Л. 371 об. – 372 (краткое описание дела, составленное для представления министру юстиции); ЦДАУК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 697. Л. 5 – 5 об., 6, 15, 30, 31, 36, 60, 70, 80, 81, 85, 92, 96, 113 (материалы следствия).

⁹⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 335 об.

Очевидно, эта песня появилась задолго до начала войны. Вообще тема предполагаемого «пьянства» царя и, одновременно, «спаивания» царем народа (подразумевалась государственная винная монополия) нередко звучала в оскорблениях императора. В городе Кузнецке, Саратовской губернии, пьяный обыватель в июле 1914 года говорил своим гостям: «Ему быть не Государем, а лапотником, если бы он был хороший Государь, то не открыл бы казенные винные лавки и не распустил бы Россию пьянством»⁹⁹.

Впрочем, и значительное ограничение продажи спиртных напитков во время войны парадоксальным образом истолковывалось порой как поддержка царем пьянства. Крестьянин Томской губернии был очень обескуражен тем, что прогулял слишком много денег на Масленую неделю 1915 года. Вину же за это он возлагал на императора: «А все потому, что наш ЦАРЬ ... (брань) казенки прикрыл. Кабы ОН не прикрывал, я скорее бы напился, и деньги при мне были, а чтоб ему ... (брань)»¹⁰⁰.

Криминологи тогда вообще считали, что оскорбление императора – большей частью «пьяное преступление», такого же мнения, как уже отмечалось выше, придерживаются и некоторые современные исследователи. Действительно, в соответствующих судебных делах часто встречаются выражения «в состоянии опьянения», «был сильно пьян», «будучи несколько выпивши». Но, как уже было показано, порой к этим утверждениям следует относиться осторожно: и по закону, и по обычаю нетрезвый человек мог рассчитывать на более снисходительное к себе отношение, состояние опьянения часто рассматривалось при расследовании преступления как смягчающее вину обстоятельство. Напротив, в делах нередко содержатся указания и на то, что человек был трезв, т.е. подразумевалось, что он может нести полную ответственность за совершенное им преступление. Поэтому подследственные и подсудимые, очевидно, порой намеренно преувеличивали степень своего опьянения. Документы так передают слова некоторых обвиняемых: был пьян, ничего не помнит, но утверждает, что оскорбительных по адресу государя выражений никак не мог произнести. Однако не всегда свидетельские показания подтверждали эти заявления, в делах имеются комментарии чиновников, производивших расследования: был ли действительно обвиняемый пьян, дознанием не установлено¹⁰¹.

Но не следует считать данное преступление исключительно «пьяным». С помощью доноса порой решались многочисленные конфликты деревенской политики, которые не имели прямого отношения к императору, но царь заочно привлекался как могущественный символический союзник одной из конфликтующих сторон. Эти конфликты условно можно разделить на «вертикальные» и «горизонтальные». К первым можно отнести конфликты между крестьянами и представителями сельской власти (старосты и волостные старшины, писаря сельских и волостных правлений, полицейские урядники и стражники).

Так, нам известно 120 случаев оскорбления членов императорской семьи в 1914 году, которые были совершены русскими сельскими жителями, занимавшимися сельским хозяйством (не учитывались крестьяне, занимавшиеся торговлей, немецкие и еврейские колонисты и поселяне). Это составляет не менее 64 % всех известных нам случаев в этом году. Не менее чем в 28 случаях оскорбление было совершено в присутствии представителей власти, не менее чем в 8 случаях – в присутственном месте (сельское, волостное, станичное правление).

В 1915 году из 282 таких случаев 35 было совершено в присутственном месте, а 30 – в другом месте, но в присутствии представителей власти. Это составляет примерно 23 %

⁹⁹ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 458. Л. 36 – 37 об.; *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (На материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 106.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 157.

¹⁰¹ Там же. Л. 283 – 283 об., 345.

от числа указанных случаев. Но в том же году не менее 10 представителей сельской власти (старосты, волостные старшины, писаря) были привлечены к ответственности за оскорбление императорской семьи. Т.о. 27 % известных нам зарегистрированных случаев оскорбления крестьянами в этом году было прямо связано с различными конфликтами вокруг исполнения власти в сельской местности.

Представители власти иногда использовали оскорбления символов императорской власти (должностной знак старосты, волостного старшины, десятского с изображением герба, портрет царя, висевший в правлении) для наказания крестьян, бросавших им вызов. Порой же они явно сознательно провоцировали подчиненных им деревенских жителей на оскорбление императора, чтобы иметь возможность наказать их не за какую-то провинность, непосредственно приведшую к конфликту, а за совершение государственного преступления. Нормативная сакрализация монархической власти и ее символики была для сельских властей удобным средством дисциплинирования жителей деревни.

Так, в декабре 1915 года сельский староста безуспешно пытался утихомирить пьяного унтер-офицера, находившегося в своей деревне в отпуску, он указал на свой должностной знак с царской короной. Но разгулявшийся унтер-офицер заявил представителю власти: «Я ... тебя с короной вместе, а также и самого ЦАРЯ и все русское правительство»¹⁰². Возможно, именно на такую реакцию староста и рассчитывал, желая затем приструнить буйного отпускиника с помощью доноса, который последовал незамедлительно.

Иногда вокруг знака власти возникало сразу несколько обвинений. В селе Наскафтым, Кузнецкого уезда, Саратовской губернии, бывший десятский Е.С. Кянскин разносил вновь избранным десятским должностные знаки. Крестьянин К.П. Буйлов якобы отказался этот знак принять. Возмущенный Кянскин спросил: «Как он смеет отказываться от царской короны?» На это Буйлов «по отношению к короне произнес площадную брань». Когда же ему стали надевать знак на шею, он, противясь, заявил: «Я <...> эту корону». Бывший десятский тогда же пошел заявлять полицейскому стражнику об оскорблении символа власти. Но обвиняемый и указанные им свидетели, в свою очередь, утверждали, что сам Кянскин явился к Буйлову сильно выпивший и потребовал себе спиртного в качестве угощения за передачу знака. Возмущенные подобным оскорблением символа власти друзья нового десятского якобы сказали Кянскину: «Какое ты имеешь право продавать корону»¹⁰³.

Конфликт в этих различных показаниях переворачивался: доносчик представал как обвиняемый в совершении того же преступления – оскорблении императора, обвиняемый противопоставлял своему оппоненту свой донос. Но что стояло за этой ссорой? Нежелание крестьян исполнять обязанности представителя власти в деревне (такие случаи встречаются и в других делах)? Борьба за эту должность? Какой-то неизвестный нам деревенский конфликт, лишь оформленный с помощью символа власти?

Нередко старосты, старшины и писаря использовали наличие царского портрета, обязательно находившегося в сельском или волостном правлении. Они указывали на него непокорным крестьянам и настоятельно требовали не ругаться в присутствии этого важного символа власти (не кричать, не курить, снять шапку). Раздраженный оппонент представителей сельской власти нередко после этих слов отпускал какое-то неосторожное и грубое замечание по адресу портрета или оригинала в присутствии свидетелей и должностных лиц, после чего немедленно следовал донос, а иногда и арест на месте. Иначе говоря, и в этих случаях представители сельской власти намеренно провоцировали земляков-крестьян, побуждая их совершить государственное преступление в своем присутствии.

¹⁰² Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 13 об.

¹⁰³ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 458. Л. 27 – 31 об.

Так, в марте 1916 года 43-летний крестьянин Томской губернии Л.С. Рогов пьяный зашел в сельское правление. Он не снял шапку в помещении, закурил папиросу и стал ругать сельского писаря. Последний предложил Рогову немедленно снять головной убор и прекратить курить в присутственном месте, при этом писарь торжественно указал на висевший в канцелярии портрет императора. Тогда Рогов, не снимая шапки, произнес: «Портрет ГОСУДАРЯ, попросту сказать, для меня ничего не составляет, я не признаю никаких портретов, а имею право быть в шапке и курить». Затем, разумеется, последовал на него донос. Был ли писарь искренне оскорблен поведением крестьянина? Желал ли он избежать неприятного для себя разговора? Хотел ли он отомстить односельчанину? Внешне похож и случай 50-летнего земляка Рогова, который произошел в апреле того же года. Пьяный крестьянин пришел в волостное правление к писарю с просьбой о выдаче ему пособия, ввиду призыва двух своих сыновей на военную службу. Получив отказ, он начал ругаться площадной бранью. Сторож правления заметил, что в присутственном месте ругаться нельзя, ибо на стене висит портрет государя императора. Возбужденный крестьянин сказал: «Этот ... (брань) наш кровопийца». Тогда в конфликт вмешался сельский староста, по его распоряжению крестьянин был заключен в «каталажную камеру». Однако буйный арестант взломал дверь арестного помещения и самовольно ушел. Тогда против него было возбуждено и уголовное дело¹⁰⁴.

Но иногда на такой конфликт с сельским начальством шли и совершенно трезвые люди. Свое поведение в некоторых случаях они обосновывали рационально, политически, сознательно подчеркивая свое равенство с царем. Так, саратовский крестьянин, отказавшийся снять шапку в волостном правлении, заявил: «Я сам себе государь»¹⁰⁵.

Похожей была и реакция 43-летнего донского казака Николая Пундикова, который в поселковом правлении затеял ссору с другим казаком. Поселковый атаман потребовал, чтобы он вел себя прилично, ибо в помещении висит портрет императора. Обвиняемый же в ответ сказал: «... (площадная брань) с вашим ГОСУДАРЕМ и портретом, У меня своих пять есть. Я вашему ГОСУДАРЮ не подчиняюсь. Я сам Николай»¹⁰⁶.

Разумеется, далеко не всегда мы имеем дело с провокацией писарей, старост и волостных старшин. Представитель сельской власти, разумеется, и по своей должности обязан был доносить о таких преступлениях, даже если он и не желал по каким-то причинам это сделать. Так, 14 февраля 1914 года в селе Труевская маза, Юловской волости, Вольского уезда, Саратовской губернии, состоялся сход. Живо обсуждался вопрос о том, что староста в прошлом году купил за общественные деньги на 3 рубля 82 копейки конфет для детей местных крестьян в день памяти 300-летия царствования дома Романовых. Однако 58-летний крестьянин В.Ф. Подгорнов был недоволен таким использованием общественных средств: «Какая-то п...а короновалась, а на общество расход». Претензии предъявлялись одновременно и старосте и императору. Однако власти не были своевременно проинформированы об этом преступлении, совершенном публично, в присутствии представителей сельской власти, которые, кстати, оскорблялись наряду с властью верховной. Преступление могло остаться незамеченным, незарегистрированным, а потому и неизвестным полицейским и судебным властям. Но 26 февраля выпивший крестьянин В.С. Каракозов поведал об этом случае нарушения закона полицейскому уряднику, присутствовавшему в этот день в волости на собрании кредитного товарищества. Можно предположить, что в этой ситуации староста уже просто был вынужден немедленно действовать – иначе он сам мог быть обвинен в недоносительстве, поэтому на следующий день он сделал официальное заявление уряднику о пре-

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 349 об., 437 – 437 об.

¹⁰⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1917). Д. 12. Л. 248.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1035. Л. 37.

ступлении Подгорнова. За несвоевременное заявление, однако, и сам староста был арестован на семь суток земским начальником¹⁰⁷.

Мы точно не знаем, какого рода сельский конфликт стоял за этим доносом. Однако представляется, что в большинстве случаев старосты и волостные старшины все же доносили по собственной инициативе, желая укрепить свою власть над крестьянами.

Но иногда это оружие использовалось и крестьянами для давления на сельскую власть, которую обвиняли, справедливо или нет, в оскорблении царя и его семьи. Как уже отмечалось, среди обвиняемых в совершении этого преступления нередко встречаются сельские старосты и волостные старшины, доносчиками же были простые крестьяне.

Так, в одном из уездов Екатеринославской губернии 56-летний волостной старшина избил в общественном доме крестьянина своей волости за неуплату волостного сбора. Затем он приказал деревенскому старосте отвезти избитого им неплательщика в «кордегардию» при волостном правлении. Тут вмешался другой местный крестьянин, который в присутствии свидетелей заявил, что волостной старшина избил свою жертву «неправильно». В ответ на это старшина выругался площадно и публично пригрозил протестующему заступнику выселением из села (в деле специально указывалось, что, произнося эту угрозу, представитель волостной власти находился в трезвом состоянии). Последовало возражение, что без суда могут выселять только правительство и государь. Крутой волостной старшина решил поставить точку в этой затянувшейся правовой дискуссии: «... с твоим правительством и с твоим ГОСУДАРЕМ; я что захочу, то с тобою и сделаю». Однако затем последовал донос простых крестьян на этого решительного представителя власти, против него было возбуждено уголовное дело¹⁰⁸.

Известен даже случай, когда после доноса крестьян был арестован чиновник, 51-летний К.И. фон Гейлер, потомственный дворянин, земский начальник первого участка Сызранского уезда. Он был обвинен в том, что в разговорах с сельскими и волостными должностными лицами якобы неоднократно позволял себе произносить слова: «Русскому ЦАРЮ не с немцами воевать, а водкой торговать»¹⁰⁹. Весьма возможно, что в данном случае имел место оговор обвиняемого, однако делу был дан законный ход, власти решили поддержать крестьян-доносчиков. Очевидно, немецкое происхождение обвиняемого чиновника повлияло на это решение властей.

Конфликты крестьян с сельскими властями напоминают конфликты на мелких предприятиях в городах. Порой и наемные работники намеренно провоцировали своих хозяев на оскорбление императора, а затем доносили на работодателей, чтобы свести с ними счеты. Так, в январе 1916 года в Казани к ответственности была привлечена 39-летняя полька, владелица прачечной. Как-то она начала бить нерадивую прачку, но та заявила, что пожалуется в участок, сообщит о происшедшем властям, тогда распаленная хозяйка произнесла площадную брань по адресу царя и правительства. На следствии же хозяйка прачечной заявила, что мстительные работницы оклеветали ее по злобе¹¹⁰.

Обратные случаи провоцирования наемных работников хозяевами обнаружить пока не удалось. Очевидно, владельцы заведений и их представители утверждали свою власть над подчиненным им персоналом с помощью других приемов.

Впрочем, идеологизировались и некоторые другие конфликты, связанные с отношениями власти-подчинения, в которых людей, обладающих какой-то властью, обозначали как оскорбителей монархии. Тем самым имущественный или бытовой конфликт выводился на

¹⁰⁷ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 458. Л. 19 – 22.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 392.

¹⁰⁹ Там же. Л. 198.

¹¹⁰ Там же. Л. 327.

другой уровень противостояния, представлялся как борьба верных подданных царя с противниками монархии. Крестьяне, рубившие деревья, подавали жалобы на усердных лесников, арестанты – на придирчивых тюремных надзирателей, солдатские жены – на властных свекров, позарившихся на их денежное пособие, посетители публичных домов – на прости-туток, отказавшихся их обслуживать. Случалось даже, что и родители неуспевающих учениц доносили на требовательных учителей, обвиняя последних в оскорблении императора¹¹¹.

«Горизонтальные» конфликты – это споры между крестьянами соседних деревень, между односельчанами, иногда – между родственниками. Это конфликты из-за земли, ссоры из-за потрав, из-за нарушения межи, из-за порубок леса. Так, еще в 1910 году крестьянин симбирской деревни М.И. Майоров зашел к другому крестьянину и начал его ругать за то, что он укрепил свой надел. Затем, взяв железный заступ, набросился на него, крича: «Ты шайтанским законом укрепил свою землю. Ты черту служишь, а не царю». Нанеся несколько ударов, он убежал из дома. Потерпевший, очевидно, счел, что тактически более выгодно обвинить и наказать своего обидчика, используя не уголовную, а «политическую» статью, донос был сформулирован соответствующим образом. Обвиняемый был арестован на семь дней¹¹².

С помощью доносов мстили также неверным женихам и непокорным невесткам. Часто использовалась та же тактика: возбужденный оппонент провоцировался на оскорбление царя, затем следовал донос, парализующий все дальнейшие действия противника. Имущественные споры, семейные ссоры, бытовые конфликты тем самым политизировались, далекий могущественный император и в данных случаях становился символическим союзником одной из сторон.

Показателен случай обвинения трех братьев Жироховых, крестьян Вологодской губернии. При обыске лесник нашел у одного брата бревна, принадлежащие другому крестьянину, находившемуся на войне. Братья подняли крик, начали ругаться. Один из присутствовавших крестьян, носивший, кстати, ту же фамилию Жирохов, сказал, что за бранные слова они могут ответить по закону. Братья дружно и непристойно обозначили свое отношение к праву: «...хотим закон». Им было заявлено, что так выражаться нельзя, ибо на законе имеется корона государя императора. (Интересно, что сам авторитет права утверждался и в этой ситуации с помощью сакрализованного символа монархии.) Братья Жироховы, однако, упрямо стояли на своем, расширяя круг оскорбляемых новыми ругательствами: «... ваш закон, Корону и ГОСУДАРЯ». А жена одного из братьев, подняв подол своего платья и «хлопая ладонью по детородным частям», громко кричала: «Вот вам закон, Корона, ГОСУДАРЬ, все тут»¹¹³. В данном случае уголовное преступление, очевидно имевшее место, политизировалось противниками обвиняемых, желавшими предъявить своим оппонентам более серьезное обвинение в совершении государственного преступления.

И здесь сложились распространенные традиционные приемы провоцирования оппонента на совершение преступления. Так, нередко, когда в разгар ссоры употреблялось слово «сволочь», то в ход пускалось хорошо известное оружие, оскорбленный с достоинством отвечал: «Я не сволочь, я ЦАРЮ помочь» (подобные слова зафиксированы в нескольких случаях). Далее могло последовать разъяснение: он-де сам «служил царю», или «сыновья служат государю» и т.п. Нередко после этого распаленный оппонент распространял свои ругательства и на упоминаемого императора. Затем следовал скорый донос. Так, в мае 1915 года 42-летний крестьянин Томской губернии поссорился с односельчанкой. В ответ на его ругательства она сказала: хотя она и сволочь, но ЦАРЮ помочь, так как сыновья ее ушли

¹¹¹ Там же. Л. 16.

¹¹² ГАУО. Ф. 1. Оп. 92. Д. 13. Л. 3. Сообщено Н.А. Дунаевой.

¹¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 366 – 367.

на войну, и служат ЦАРИЮ и Богу. Крестьянин закричал: «Черту они пошли служить». Разумеется, затем последовал донос и возбуждение уголовного дела¹¹⁴.

В бытовых конфликтах с односельчанами также использовались имперские символы. В сентябре 1915 года 30-летний крестьянин Самарской губернии нецензурно ругал односельчанина. Тот важно достал солдатскую книжку с изображением императора и торжественно попросил своего обидчика не ругаться перед портретом государя. Площадная брань была немедленно адресована и портрету, на что, очевидно, и рассчитывал обладатель солдатской книжки, который вскоре донес на своего недруга¹¹⁵.

Интересны случаи комплекса доносов, связанных друг с другом.

Пример серии доносов односельчан дает село Тарапатино, Лемешинской волости, Камышинского уезда, Саратовской губернии. В августе 1915 года 30-летний С.С. Тарапата, бывший солдат, раненный на войне, вывозил со своего двора навоз и выкидывал его к окнам крестьянина Рыбинцева. Вспыхнула ссора, во время которой Тарапата ударил Рыбинцева вилами по плечу и сказал: «Мы и ЦАРЯ ... (брань) а вас-то и вовсе»¹¹⁶. Во всяком случае, так утверждал в своих показаниях пострадавший доносчик. Затем последовал донос односельчанина и на брата ветерана войны, 43-летнего П.С. Тарапату. Две крестьянки утверждали, что ночью они якобы подошли к его дому и, приоткрыв ставню, услышали: «Теперь время ЦАРЯ нашего отошло, мы Его и Фамилию Его ... а правую руку и вовсе». Обвиняемый свою вину отрицал. Он утверждал, что его оговорили по злобе, на почве хозяйственных счетов. Наличие имущественного конфликта между обвиняемыми и доносителями подтвердили другие свидетели¹¹⁷.

Известен даже случай, когда сразу оба участника семейной ссоры были привлечены по 103-й статье «Уложения о наказаниях». 25 февраля 1915 года 25-летний крестьянин Илларион Стенин ударил своего старшего брата Евлампия по голове. Тот заявил, что пожалуется властям. В ответ на это Илларион ответил: «я ... (брань) власть и ЦАРЯ». Затем, однако, он предложил брату прекратить ссору, так как, возможно, обоих возьмут на войну. На этот раз оскорбил императорскую семью уже Евлампий: «... (брань) войну, ЦАРЯ и ЦАРИЦУ; одни дураки идут на войну, а я не пойду». Примирительный ответ Иллариона содержал, однако, еще одно оскорбление императора: «Не знаю, или ты ... ЦАРЯ, или Он нас обоих»¹¹⁸.

Нередко имущественные конфликты переплетались с этническими, так, русские крестьяне использовали соответствующий донос при конфликтах с соседями-«иногородцами», иногда они намеренно провоцировали своих оппонентов на оскорбление русского царя. Так порой решались, например, споры русских крестьян из-за покосов и пастбищ с башкирами и калмыками¹¹⁹. Один конфликт возник из-за того, что русские крестьяне деревни Нагаевой, Буталовской волости, Тобольской губернии, пасли лошадей на поле, принадлежащем соседям-татарам. Во время ссоры русский крестьянин Ф. Ногаев важно заявил 23-летнему татарину Х. Абдулову: «Если ты не перестанешь ругаться, я отобью телеграмму ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ». Можно с уверенностью предположить, что он намеренно провоцировал противную сторону, вряд ли он в действительности намеревался немедленно отправиться в

¹¹⁴ Там же. Л. 166. Такая провокация использовалась и в советское время. Во Львовской области недовольные покупатели заявили продавщице-венгерке, что она могла бы выучить «язык Ленина» (возможно, им вспомнилось известное стихотворение Маяковского). Она заявила, что плюет и на язык, и на вождя. Последовал донос. См.: 58.10: Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Аннот. кат., март 1953 – 1958 / Ред. В.А. Козлов, С.В. Мироненко; Сост. О.В. Эдельман и др. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1999. С. 22.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 141.

¹¹⁶ Там же. Л. 249 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 324.

¹¹⁸ Там же. Л. 311 – 311 об. Ввиду принятия Иллариона на военную службу дело о нем приостановлено.

¹¹⁹ Там же. Л. 323 об. – 324.

ближайшую телеграфную контору, чтобы вступить в переписку с царем. Его расчет, однако, полностью оправдался: распаленный Абдулов выкрикнул в присутствии многих свидетелей: «Я ... тебя вместе с вашим ГОСУДАРЕМ»¹²⁰. После этого последовал донос русских крестьян на Абдулова.

Но иногда оружие доноса на славянских оскорбителей царя использовали и «инородцы», представлявшие себя, по крайней мере на время конфликта, верноподданными российского императора. В правление одного из аулов Майкопского отдела явился некий уроженец Черниговской губернии и потребовал от старшины распорядиться о розыске похищенного у него в ауле полушубка. Старшина важно предложил ему снять шапку в помещении правления, в котором находится портрет царя. Но, если верить доносу, обвиняемый заявил, что не подчиняется ни Богу, ни царю, и произнес площадную брань в адрес императора. О происшедшем законопослушный старшина аула немедленно доложил вышестоящим властям. Преступник был привлечен к ответственности¹²¹. Очевидно, похищенный в ауле его полушубок так и не был найден.

Соответствующие доносы использовали порой в конфликтах не только русские, но и польские крестьяне, доносившие на своих соседей-поляков¹²². Доносы на соплеменников, в том числе и оговоры, практиковали нередко и киргизы (казахи). Так, комментируя одно обвинение, адресованное зажиточному и влиятельному местному жителю, сочувствующий ему уездный исправник отмечал: «Мулла Нургалиев деятельностью своею подозрений не внушает, среди же киргиз часто бывают ложные доносы»¹²³.

Порой донос был следствием конфликтов между покупателями и продавцами, соответственно случаи оскорбления императора нередко фиксировались в сельских лавках, на базарных площадях.

Во всех упомянутых конфликтах сложно оценить степень истинности доноса и искренности монархизма доносителей. Но определенно можно сказать, что последние позиционировали себя как верных подданных царя и стремились извлечь из этой позиции выгоду. Их монархизм был прагматичен и функционален вне зависимости от того, был ли он истинным или напускным.

Иногда царя оскорбляли по религиозным причинам. Продолжали фиксироваться и старинные оскорбления староверов, иных религиозных групп, в которых император именовался «еретиком», а то и «антихристом». Так, принадлежащий к секте лучинковцев чернорабочий В.Я. Рябинин, крестьянин Пермской губернии, в январе 1915 года во время спора с другими рабочими назвал «всех православных, а также государя императора еретиками». Он утверждал, что его единоверцы не признают императора и ему не служат, и убеждал своих сослуживцев: «Переходите в нашу веру, тогда не будете служить своему государю». На дознании Рябинин заявил, что считает еретиками всех, кто исповедует православную религию не так, как она исповедовалась при патриархе Никоне, в том числе и государя¹²⁴.

Порой крестьяне, осуждавшие царя и его семью, выражали так отношение к тем мероприятиям власти, которые их непосредственно затрагивали (налоги, реквизиции, мобилизации, смерть близких на войне, нежелание предоставить пособие, отказ принимать марки, использовавшиеся вместо мелкой разменной монеты). Часто царя оскорбляли, жалуясь на невыполнение государством своих обязательств; на императора, олицетворявшего страну, возлагалась личная ответственность за это. Так, в конце 1915 года беженцы из Виленской

¹²⁰ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 45об.; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 55. Д. 114. Л. 1 – 1 об.

¹²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 245.

¹²² Там же. Л. 322 об. – 323.

¹²³ Там же. Л. 393 об. – 394.

¹²⁴ Там же. Л. 399 – 399 об. Рябинин за совершенное преступление был заключен в крепость на четыре месяца.

губернии, оказавшиеся на Волге, были лишены пайка за отказ от обязательных работ. Один беженец заявил: «Когда нас гнали оттуда, то царь обещал нас покоить и кормить, а он нас обманул: нам ничего не дают, хоть с голоду помирай»¹²⁵. Это послужило основанием для привлечения оскорбителя к уголовной ответственности. Ряд оскорблений был связан с денежными пособиями, получавшимися членами семей мобилизованных. Одних не устраивал размер пособия, других – его отсутствие, третьи же завидовали тем счастливым, кто это пособие получал.

Показательны те места, в которых оскорбляли императора. Как уже отмечалось, часто это – волостное или сельское правление. Именно там крестьяне узнавали все неприятные новости: сообщения о смерти и ранениях близких, находившихся на войне, известия о новых податях и повинностях. Портрет императора, висевший на стене, позволял незамедлительно определить возможного главного виновника этих бед. В то же время в правлении находились и потенциальные доносители – представители местной власти (волостной старшина, сельский староста, писарь, стражник), которые обязаны были информировать вышестоящие власти о преступлении «по должности». Но доносили и об опасных крестьянских разговорах, происходивших и в сравнительно безопасных для совершения преступления местах, – в избе, на деревенской улице, в поле и даже в лесу.

Наконец, существовали ситуации, когда осуждались те меры общей государственной политики, которые не затрагивали непосредственно обвиняемых. Часто оскорбления были прямым следствием оживленного и заинтересованного крестьянского «разговора о войне». Так, как мы увидим, нередко царь и другие члены императорской семьи осуждались за начало войны, за неподготовленность русской армии к войне, за плохое ведение военных действий и т.п. Нередко повод для этого давало совместное чтение вслух газет, брошюр, правительственных сообщений. Эти оскорбления условно можно назвать «патриотическими»: обвиняемый отождествлял себя с «Россией» и осуждал императора или другого представителя правящей династии, действующего, по его мнению, во вред стране.

Для исследователя, изучающего политическое сознание, особенно интересны случаи, когда оскорбление императора и членов его семьи как-то мотивировалось, когда членам царского дома предъявлялось какое-либо обвинение. Но и другими случаями не следует пренебрегать. Можно, например, предположить, что в одних ситуациях «бессмысленная ругань» и «пьяное» оскорбление царя стали причиной доноса, а в других – о них не сообщали властям. Очевидно, что увеличение числа зарегистрированных дел также может служить и знаком умножения сельских конфликтов разного уровня, которые пытались разрешить с помощью доносов. Т.о. это преступление во всяком случае позволяет судить о существовании известной напряженности в данной социальной среде. Нарастание даже «простых» бытовых конфликтов, намеренно (а порой и явно искусственно) политизировавшихся их участниками, имело важное политическое значение. К тому же в любом случае важны конкретные слова, произнесенные во время оскорбления императора или членов его семьи.

Встречается немало случаев, когда по указанным статьям привлекались определенные представители «сельской интеллигенции» – грамотные крестьяне, которые подрабатывали письмоводством, известные сельские сутяги, дававшие правовые советы односельчанам, «подпольные адвокаты», которые вели дела других крестьян (этих «деревенских адвокатов» власти издавна недолюбливали). Но главная ценность дел по оскорблению императорской семьи как исторического источника заключается в том, что он порой позволяет услышать голос неграмотных крестьян, голос, часто скрытый от историков. Правда, их подлинные слова нередко были отредактированы, а то и искажены доносчиками, следователями, полицейскими и судебскими чиновниками, записывавшими показания.

¹²⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1916). Д. 59.

Изучение этого источника осложняется тем обстоятельством, что в некоторых случаях мы явно имеем дело с оговором. Уже в конце XIX века полицейскими властями было замечено, что обвинение в оскорблении Его Величества весьма часто используется для сведения личных счетов, при этом нередко практиковались ложные доносы частных лиц. С началом войны число последних увеличилось, чинам корпуса жандармов даже специальным приказом напоминалось о практике ложных доносов, дознаватели должны были особенно тщательно проверять соответствующие обвинения¹²⁶. Однако, разумеется, поток оговоров, ложных доносов продолжался, нередко это вело к возбуждению новых уголовных дел.

Так, в селе Бобылевка, Балашовского уезда, Саратовской губернии, в августе 1915 года несколькими односельчанами был обвинен в совершении преступления некий бакалейщик Н.С. Целиков. Он, по словам доносчиков, заявил: «Государь наш слаб, а правительство в большинстве немцы, которые во всякое время могут продать Россию немцам же». При этом Целиков указал на военного министра Сухомлинова и министра двора графа Фредерикса, добавив, «что и все остальные министры такие же». Другой свидетель показал, что Целиков якобы заявлял, что царь «слаб и ненормален», что вдовствующая императрица Мария Федоровна сожительствует с Фредериксом «и другими немцами», что наследник престола – «незаконнорожденный». Но прочие допрошенные в ходе данного следствия жители этого села утверждали, что обвиняемый Целиков, убежденный патриот и монархист, был намеренно оговорен своими давними недоброжелателями – сельским священником и писарем волостного правления. Последние входили в местное присутствие, ведавшее выдачей пособий женам солдат, и злоупотребляли своим положением, вели себя «неблаговидно» по отношению к солдаткам. Обвиняемый, возмущенный их поведением, неоднократно обличал их публично, за что они и отомстили деревенскому правдолюбцу, выдвинув против него указанное политическое обвинение¹²⁷.

Можно привести и другие примеры явных оговоров. В результате доноса к уголовной ответственности был привлечен 34-летний крестьянин из ссыльных Амурской области Н.А. Вакулин. В 1908 году за участие в преступном сообществе, составленном для насильственного посягательства на изменение существующего в России образа правления, он был приговорен к пяти годам каторжных работ. Затем Вакулин, обучавшийся ранее некоторое время в Рижском политехническом училище, стал исполнять обязанности младшего инженера Восточно-Амурской железной дороги. В доносе указывалось, что в середине июня 1915 года он якобы вел разговор о войне с начальником карьера и десятским железной дороги. Начальник карьера оптимистично заявил: «Варшавы не отдадут». В ответ на это Вакулин-де сказал: «Пока эта ... будет царствовать и ИХ не разгонят, мы все будем отдавать». Казалось бы, картина должна быть совершенно ясна для следствия: человек, уже совершивший однажды государственное преступление, вновь дерзко нарушает закон в присутствии законопослушных патриотов, которые должным образом проинформировали власти, в таких условиях возмездие рецидивисту должно быть особенно суровым. Однако в ходе дознания выяснилось, что у обвиняемого и ранее существовали неприязненные отношения с обоими доносителями. В свое время он официально докладывал начальству об их служебных проступках. Два свидетеля показали, что доносители подговаривали и их подписать ложный донос, чтобы «убрать неудобного для них» Вакулина. При этом «... предполагалось сперва возвести на него обвинение в пропаганде, а затем решили остановиться на обвинении в оскорблении ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, так это проще и скорее»¹²⁸.

¹²⁶ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 401.

¹²⁷ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 12. Л. 297 – 298.

¹²⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1035. Л. 8.

Но во многих случаях преступление наверняка было совершено, это подтверждалось многими свидетелями. Как уже отмечалось, порой оскорбление членам царской семьи наносилось в присутствии местных представителей власти. Нередко обвиняемый на допросе признавал свою вину, выражал раскаяние. Иногда предъявлялась улика (например, разорванный портрет императора, или портрет царя с проколотыми глазами). Да и оговор в то время считался серьезным преступлением, гораздо более серьезным, чем недоносительство¹²⁹. Можно предположить, что это обстоятельство как-то сдерживало поток ложных доносов.

К тому же для целей настоящего исследования весьма важен и оговор. Составители ложных доносов, даже сочиняя невысказанные в действительности оскорбления за обвиняемых ими лиц, очевидно, предполагали, что полиция и суд поверят тому, что именно такой слух мог распространяться, что именно такое оскорбление могло быть произнесено обвиняемым в данное время и в данном месте. Как совершенно справедливо отмечал А.С. Лавров, тщательно изучавший разнообразные доносы XVIII века, донос непременно должен быть правдоподобен¹³⁰.

Скорее всего, подобные разговоры, нашедшие отражение и в ложных доносах, имели хождение в соответствующей местности, в данной среде, хотя и не всегда произносимые слова принадлежали обвиняемым. Весьма вероятно даже, что иногда доносители приписывали им свои собственные слова и мысли. Во всяком случае, можно с уверенностью предположить, что они сами в каких-то обстоятельствах ранее слышали этот слух, даже если они и не верили ему. Ложный донос, таким образом, также содержит важную информацию о состоянии общественного мнения, о распространении определенных слухов и определенных образов власти.

После начала войны русские криминологи прогнозировали снижение числа преступлений по оскорблению членов императорской семьи. Они возлагали надежды на общий патристический подъем в стране, на призыв в армию потенциальных преступников (очевидно, что их было особенно много в возрастной группе военнообязанных) и, наконец, на резкое ограничение продажи спиртных напитков (напомним, что преступление считалось «пьяным»). Возможно, эта тенденция и имела место в самом начале войны; вообще, в это время пресса отмечала снижение любых видов преступности¹³¹. Так, нам известен 41 случай оскорбления императора в июле 1914 года, 44 случая – в августе. Утверждалось, что часть этих преступлений была совершена пьяными (не менее 12 случаев в июле). Для сентября, октября и ноября – соответственно 25, 12 и 25 случаев, причем зафиксировано только одно «пьяное» преступление (в сентябре). Весьма возможно, однако, что в особой обстановке начала войны часть совершавшихся преступлений такого рода попросту не фиксировалась.

Однако в дальнейшем действительность явно опровергла прогнозы криминологов: число дел, возбужденных против оскорбителей членов правящей династии, возросло, существенно увеличилось и количество «пьяных» преступлений. Крестьяне, разумеется, находили способы выпить даже в условиях резкого ограничения торговли спиртными напитками. В русских газетах появились статьи с красноречивыми заголовками «Борьба с одеколом», «О пьяных делах», в городах империи обыватели втридорога переплачивали за всевозможные суррогаты, порой опасные для жизни потребителей, которые носили экзотические названия («союзная мадера», «лапландский антитрезнин»), а русская деревня быстро осва-

¹²⁹ В 1913 году было возбуждено 14 291 следствие за лжеприсягу, лжесвидетельство и ложный донос. А статья за «недопесение» фактически «не работала» – не было возбуждено ни одного дела. См.: Общий обзор статистических сведений о деятельности судебных установлений за 1913 год / Изд-е 1-го Департамента Министерства юстиции по 3-му делопроизводству Статистического отделения. Пг., 1915. С. 20, 22.

¹³⁰ Лавров А.С. Колдовство и религия в России, 1700 – 1740 г. М., 2000. С. 32 – 33.

¹³¹ См.: Падение преступности // Новое время. 1914. 25 августа.

ивала разнообразные технологии самогоноварения. Корреспондент петроградской газеты писал: «Для названий тех “суррогатов”, которыми заменяется теперь водка, скоро, кажется, придется составлять особый словарь. “Самосидка”, “бражка”, “кислушка”, “арака”, “ханжа” и пр., а теперь в Астрахани появился еще некий “бал”». Эти сюжеты нашли отражение и в современном фольклоре, и в личной корреспонденции современников. Уже в октябре 1914 года некий житель Иркутской губернии сообщал в своем частном письме: «Из самых различных местностей газетам сообщают, что в деревне опять замечается пьянство, что старые безобразия начинают повторяться. Сообщения эти, по-видимому, вполне правдивы, так как есть известия, что в некоторых уездах акцизный надзор вынужден был командировать особых контролеров для обнаружения мест тайной продажи питей. Пьют пиво, самодельную водку, очищенный денатурированный спирт, виноградное вино, коньяк и наливки»¹³².

О приверженности ряда крестьян давнему и привычному образу жизни свидетельствуют и изучаемые дела об оскорблении императора. Так, 55-летний крестьянин Вятской губернии обвинялся в том, что он, будучи в трезвом состоянии, в присутствии свидетелей гордо заявил: «Вот теперь наш Никольчик запер кабаки и воспретил варить кумышку, а мы сварили бражку и не поддадимся Никольчику»¹³³. Из 40 известных нам случаев оскорбления императора в январе 1915 года уже не менее 9 относятся к пьяным.

К тому же у русских крестьян, трезвых или пьяных, появились новые поводы ругать различных представителей династии Романовых. Так, из 41 известного нам случая оскорбления императора в июле 1914 года 21 случай связан с особыми обстоятельствами военного времени.

Но среди обвиняемых за это преступление, преимущественно «русское» и «крестьянское», в последующее время появляется и все больше ругателей из иной социальной и этнической среды (российских немцев, евреев), что было, по-видимому, знаком усиления в годы войны конфликтов разного рода, в т.ч. и конфликтов межэтнических. По-видимому, меняется сословный состав преступников – преступление становится все менее крестьянским, об этом свидетельствует изучение описи фонда прокурора Киевской судебной палаты¹³⁴. Так, в месяцы 1914 года было возбуждено не менее 9 дел по оскорблению членов царской семьи против крестьян и только 3 – против мещан. Однако после объявления войны ситуация меняется: 8 дел против крестьян и 11 – против мещан. Это характерно и для 1915 года: 21 дело против крестьян и 25 – против мещан. В 1916 году крестьяне и мещане дают равное количество дел – по 8. Резонно было бы предположить, что за подобной динамикой стоят имущественные и этнические конфликты: большинство крестьян было украинцами (многие из них считали себя в то время «русскими»), а среди мещан было немало евреев.

В доносах на лиц, оскорблявших членов императорской семьи, также отражались и новые противоречия военной поры – между крестьянами и беженцами, между крестьянами и военнопленными, большей частью славянскими солдатами Австро-Венгрии и Германии, трудившимися в сельской местности. Противостоящие стороны всевозможных конфликтов доносили друг на друга. Возрастание числа дел по оскорблению царской семьи стало индикатором роста температуры общественного недовольства. Так это и воспринимала полиция.

В жандармском отчете по Рязанской губернии (октябрь 1915 года) указывалось, что участились преступления по оскорблению Его Величества. В Самарской губернии количество обвиняемых по статье 103 Уголовного уложения, предполагавшей наказание за оскорбление особ императорской фамилии, с 1914 по 1916 год выросло с 19 до 105. При этом не все преступления такого рода регистрировались властями. В сводке Московского охранного

¹³² Новое время. 1915. 16, 17 июля; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1727.

¹³³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 394 об. – 395.

¹³⁴ ЦДАУК. Ф. 317. Оп. 1.

отделения за 29 февраля 1916 года отмечалось: «С болью приходится констатировать, что если бы реагировать на все случаи наглого и откровенного оскорбления Величества, то число процессов по 103 ст. достигло бы небывалой цифры. <...> Это настроение и низов, и буржуазии, средней и высшей»¹³⁵. Признание офицеров секретной политической полиции подтверждает распространенное мнение многих современных криминологов: к официальным данным уголовной статистики следует относиться с большой осторожностью, ибо в различные периоды власти по-разному реагируют на совершение одних и тех же преступлений, по-разному регистрируют их на разных этапах делопроизводства.

В свое время известный знаток дореволюционной уголовной статистики Е.Н. Тарновский отмечал сокращение количества политических преступлений в годы войны (значительную часть которых как раз составляли преступления по оскорблению членов императорской семьи), что отличалось от общей картины динамики преступности. Если взять общее число преступлений, совершенных в 1911 году, за 100 %, то накануне войны существовала тенденция к их увеличению (105 и 112 % в 1912 и 1913 годах), но после начала войны наблюдается снижение (102 и 97 % в 1914 и 1913 годах). Однако в 1916 году общее число преступлений возрастает – 128 % (о росте преступности с тревогой писали тогда и газеты). Но статистика политических преступлений в годы войны обнаруживает все время тенденцию к сокращению – всего 41 % в 1916 году¹³⁶. Казалось, если оперировать лишь данными уголовной статистики, ничто не предвещало революционного взрыва в 1917 году.

	Император Николай II	Белый князь Николай Николаевич	Вдовствующая императрица Мария Федоровна	Императрица Александра Федоровна
1914	217	4	10	6
1915	629	65	46	28
1916	413	14	17	15
ВСЕГО	1258	83	72	49

Однако, как уже отмечалось, официальная уголовная статистика никак не дает точной картины динамики преступности. Для регистрации преступления необходим донос, хотя бы и донос ложный. Но в разное время и в разных частях страны, в разных культурах и субкультурах существовало разное отношение к доносительству. Поэтому статистика преступлений (или статистика обвинений в совершении преступлений) отражает скорее карту определенного типа правовой культуры: если одни губернии и области выделяются числом таких преступлений, а значит, и доносов, то другие губернии их почти не дают. Для регистрации преступления и возбуждения уголовного дела нужно было также желание властей. Однако в зависимости от общей и местной политической ситуации, личности преступника и обстоятельств совершения преступления власти то реагировали необычайно жестко на сравнительно незначительные преступления, то закрывали глаза на проступки гораздо более серьезные. И, как уже неоднократно отмечалось выше, власти порой никак не реагировали на некоторые явные случаи оскорбления членов императорской семьи. Так, например, можно предположить, что в ходе беспорядков, сопровождавших мобилизацию 1914 года, совершалось немало преступлений разного рода, которые не расследовались, дела о них, скорее всего, не возбуждались: как уже отмечалось, власти были заинтересованы, прежде всего, в том, чтобы призванные из запаса военнослужащие как можно скорее отправились на фронт (напротив, как видим, некоторые мобилизованные готовы были сидеть какое-то

¹³⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476; *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. С. 415; Буржуазия накануне Февральской революции. С. 77.

¹³⁶ *Тарновский Е.Н.* Война и движение преступности в 1911 – 1916 гг. // Сб. статей по пролетарской революции и праву. Пг., 1918. № 1. С. 100, 104, 105.

время в заключении, вместо того чтобы отправиться на позиции). В подобной ситуации даже по более серьезным преступлениям не всегда возбуждалось расследование¹³⁷.

К тому же в феврале 1916 года появилось высочайшее повеление об ограничении привлечения к судебной ответственности по данным статьям Уложения. 15-го числа председателям судебных палат и председателям окружных судов был направлен секретный циркуляр, подписанный министром юстиции А. Хвостовым. В нем сообщалось, что вследствие доклада министра 10 февраля император возложил на него на все время войны рассмотрение всех производящихся в судебных установлениях и могущих возникнуть вновь дел о преступных деяниях по статьям Уголовного уложения, предусматривающим ответственность за оскорбление царя и членов императорской семьи, на предмет обсуждения вопроса о возможности дарования высочайшей милости лицам, впавшим в означенные преступления по неразумению, невежеству, или в состоянии опьянения, или же под влиянием каких-либо связанных с чрезвычайными обстоятельствами военного времени причин, дающих основание для особого снисхождения к вине совершивших сии преступления. Во исполнение этого решения министр требовал выслать ему документы как подлежащие рассмотрению, так и дела, уже рассмотренные судом, но не приведенные еще к исполнению¹³⁸.

В последующие месяцы чиновники Министерства юстиции рассматривали сотни дел, поступивших из местных судов в Петроград, в большинстве случаев обвиняемые освобождались от уголовной ответственности. Практика же регистрации доносов и возбуждения дел по преступлениям этого сорта претерпела существенные изменения, власти все реже реагировали на «незначительные» случаи оскорбления членов императорской семьи.

Можно предположить, что наличие большого числа таких дел не только затрудняло деятельность судов, занятых рассмотрением более серьезных преступлений, но и могло стать нежелательной для властей демонстрацией состояния общественного сознания. Заведенные уже дела пересматривались, сводки дел, содержавшие рекомендации о прекращении или продолжении дела, составлялись в 3-м Уголовном департаменте 1-го отделения Министерства юстиции. Свои резолюции накладывали вице-директор департамента и товарищ министра, окончательное решение принималось от имени императора министром юстиции. Большое количество таких сводок сохранилось в фонде министерства в Российском государственном историческом архиве, во всеподданнейших докладах министра юстиции по делам политическим и в докладах 3-го Уголовного департамента. Но далеко не все дела по оскорблению императорской фамилии попали в эти сводки. Так, там отсутствуют некоторые дела, выявленные нами в Государственном архиве Саратовской области и Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве¹³⁹.

Можно предположить, что немало таких дел отложилось в местных архивах. Однако количество дел, выявленных в РГИА, весьма значительно. Как отмечалось выше, в 1911 году было возбуждено 1203 дела. Е.Н. Тарновский же отмечал, что в годы войны количество таких дел сокращалось. Нам известно примерно полторы тысячи дел по оскорблению императорской семьи, возникших в связи с преступлениями, совершенными с июля 1914 года по декабрь 1916 года. Можно предположить, что мы располагаем информацией не менее чем о трети дел по оскорблению членов императорской семьи, возбужденных в годы войны.

¹³⁷ Так, генерал В.Ф. Джунковский, товарищ министра внутренних дел, вспоминал о том, как запасными солдатами, призванными на военную службу, был убит полицейский пристав. Если судить по воспоминаниям, то он, жандармский генерал, один из руководителей ведомства, отвечавшего за общественную безопасность империи, не предпринял никаких мер, чтобы найти убийцу. Да и как бы отреагировали на это сотни присутствовавших солдат, многие из которых взирали на генерала исподлобья, «со зверскими лицами»? (*Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 376 – 377).

¹³⁸ ЦДАУК. Ф. 1072. Оп. 4. Д. 4. Л. 8.

¹³⁹ Т.А. Павленко выявила 15 случаев оскорбления членов императорской семьи в Государственном архиве Краснодарского края. Лишь один из этих случаев фигурирует в известной нам сводке, хранящейся в РГИА.

В настоящем исследовании мы изучали 1462 случая оскорбления различных членов императорской семьи в 1914 – 1916 годах. Большая их часть взята из упоминавшихся сводок. Использовались также материалы документальных публикаций, дела, выявленные в других архивах, а также случаи, описанные уже исследователями.

Хотя, как правило, к ответственности привлекался человек, единожды оскорбивший одного члена императорской фамилии, в некоторых случаях в акте оскорбления участвовала какая-то группа. Оскорблять могли несколько раз, оскорблять одновременно могли нескольких членов царской семьи.

Нами учитывался каждый случай оскорбления одного члена царской семьи. Например, если крестьянин в 1915 году оскорбил царя, а в 1916 году нанес оскорбление царю и царице, то мы заносили это в соответствующие таблицы как три случая оскорбления. Если же три человека оскорбили совместно одного члена императорской семьи в течение одного дня, то нами это учитывалось как один случай.

Дела сопоставлялись, особое внимание уделялось повторяемости персонажей, сюжетов, речевых оборотов. Они также сопоставлялись с другими источниками, охарактеризованными выше, – переписка, цензурные сводки, дневники современников, памфлеты 1917 года.

В данной группе присутствуют прежде всего оскорбления четырех членов императорской семьи. Это сам император (1258 случаев), великий князь Николай Николаевич, Верховный главнокомандующий с июля 1914 по август 1915 года, и вдовствующая императрица Мария Федоровна (соответственно 83 и 72 случая). Далее следует императрица Александра Федоровна (49 случаев).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.